

Сезон Катастроф

Алексей Калугин

Начало

«ЭКСМО»

2013

Калугин А. А.

Начало / А. А. Калугин — «Эксмо», 2013 — (Сезон Катастроф)

Все ждали, что что-то случится в 2012-м. Смеялись, подшучивали, рассказывали анекдоты в тему. Но рвануло не тогда, когда предсказывали, и не там, где ждали. Мир перевернулся в 2015-м году. Наступил Сезон Катастроф. Поначалу все казалось простым и понятным: 2015 год, Земля вступила в Сезон Катастроф, и чтобы выжить, человечеству нужно понять, как и почему происходят те или иные глобальные события. Для этого в аномальные зоны и отправляются квест-группы, в задачу которых прежде всего входит поиск разломов пространственно-временного континуума и связанных с ними «пакалей» – артефактов, которые, по мнению руководства Центра Изучения Катастроф, могут стать ключом ко многим загадкам меняющегося мира. В этих зонах «нашим» противостоят враги-«серые», о которых известно еще меньше, чем о самих зонах, но которых на всякий случай стоит уничтожать, а также масса всякой неопознанной нечисти и весьма суровые природные условия. Но это только поначалу. На деле все оказывается намного сложнее и неоднозначнее. Физик Осипов, биолог Орсон, бойцы группы Камохин и Брейгель убедились в этом в замерзшем городе, аномалии, ставшей для их квест-группы первой в длинной череде спецрейдов, первым ходом в странной Игре, участниками которой они сделались поневоле и без права выхода...

© Калугин А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Разлом Первый. Зона 33. Замерзший город	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Калугин

Начало

Пролог

Все ждали, что что-то случится в 2012-м. Смеялись, подшучивали, рассказывали анекдоты в тему. Самыми популярными новогодними подарками в канун 2013-го стали сувениры с изображением символов смерти. Пройдясь по торговым рядам, можно было решить, что грядет не Новый Год, а Día de los Muertos. Фигурки Катрины и калаверы в заснеженной Москве или дождливом Токио раскупались быстрее, чем если бы это был новый, никогда прежде не издававшийся альбом The Beatles. Словом, все старательно делали вид, что никто в это не верит. Но все же ждали. Хотя бы подсознательно. У каждого в мозгу словно сидел червячок, который скребся себе тихонечко, почти неслышно. А что, если правда? Что, если действительно рванет? Тем более, что поводов так думать имелось предостаточно. Ледники таяли, уровень мирового океана поднимался, ураганы, цунами, бури, наводнения следовали одно за другим. То снег выпадал там, где прежде его никогда не видели, то вдруг засуха сжигала самые плодородные земли. Падали самолеты, тонули корабли, взрывались электростанции. Да и люди тоже будто с ума посходили. Терроризм, восстания, государственные перевороты. Локальные конфликты, плавно перетекающие в перманентные войны. Которые продолжались даже после того, как никто уже не помнил, из-за чего все началось. Немотивированное насилие на бытовом уровне стало почти привычным и воспринималось, как не самая приятная, но, увы, уже неотъемлемая часть повседневной жизни. Лопались банки, сторали биржи. Финансовые кризисы подхлестывали политические.

А что вы хотите – на дворе 21-й век!

Но рвануло не тогда, когда предсказывали, и не там, где ждали.

Мир перевернулся в 2015-м году.

Наступил Сезон Катастроф.

Разлом Первый. Зона 33. Замерзший город

Глава 1

– Ложись! – крикнул Камохин.

Осипов бросил кофр с приборами, плашмя упал на твердую, как камень, промерзшую землю и сдернул с плеча автомат. На секунду он замер, пытаясь оценить обстановку. И тут над головой что-то протяжно ухнуло и тяжело ударило в стену дома. С такой силой, что земля содрогнулась. С хрустальным звоном посыпались вниз вылетевшие из рам стекла. А на уровне первого этажа, точнехонько там, где пять секунд назад стоял Осипов, в стене образовалось отверстие размером с два кулака. Как будто здоровенным молотом саданули.

Слева короткими очередями застучал автомат Брейгеля. По отрывистым звукам рваных очередей Осипов догадался, что фламандец не видит противника, стреляет наугад, только чтобы огрызнуться. Ну и для остротки.

– Док-Вик!

Осипов чуть приподнял голову и поискал взглядом стрелка. Теплозащитная маска сильно затрудняла обзор. Хотя инструктор уверял, что, когда к ней привыкнешь, так и вовсе не будешь замечать. Н-да, осталось только привыкнуть... Хотя привыкать-то как раз и не хотелось. Осипов от всей души надеялся, что надолго они в этом замерзшем городе не задержатся.

– Док-Вик!

На этот раз взгляд Осипова зафиксировал взмах руки. Камохин прятался за разбитым «Фордом», в пяти шагах от него. Выглянув из-за заднего бампера машины, стрелок жестом велел Осипову немедленно убираться из зоны обстрела. Видок у Камохина был тот еще! Белая парка с накинутым на голову отороченным мехом капюшоном, из-под края которого выглядывала такая же мертвенно-бледная маска с выпученными, чуть затемненными стеклами на месте глаз. И автомат в руке, тоже для маскировки выкрашенный в белый цвет. «Призрак смерти во льдах», – усмехнулся про себя Осипов. Хотя и сам он со стороны выглядел не лучше.

Брейгель снова принялся палить из автомата. Но теперь по характеру выстрелов – короткие, скупые очереди по три-четыре патрона, следующие одна за другой, – было件нятно, что он засек цель.

Где-то еще прятался Орсон. Но биолог вообще не любил оружие и постоянно твердил, что его участие в квесте носит ненасильственный характер. Это означало, что он не собирается никем помыкать, но при этом и не потерпит никакого насилия в отношении себя самого.

Оценив ситуацию, Осипов решил, что единственным укрытием для него мог стать ствол дерева с обломившейся кроной, глупо и бессмысленно торчащий из земли неподалеку. Словно зримый символ всей той глупости и бессмыслицы, что творилась вокруг. Оружие, которое использовал противник, снесло бы эту корягу на раз. Но там он, по крайней мере, не будет торчать у всех на виду.

Осипов, как учили, закинул оружие на плечо, ухватился рукой за автоматный ремень и медленно, стараясь не приподниматься, пополз к намеченному укрытию.

Над головой снова что-то ухнуло, воздух будто содрогнулся, и на Осипова посыпались какие-то мелкие обломки и щепки.

Прикрыв голову руками, Осипов попытался вжаться в мерзлую землю.

Черт, как будто специально в него целятся!

Что им вообще нужно, уродам этим?

Понятие «противник» в данной ситуации носило чисто абстрактный характер. На инструктаже в ЦИКе им сказали, что вблизи разлома они могут встретиться с противником.

– Что, вот просто так встретиться? – спросил Осипов. – Как грибники в лесу?

– Именно, – коротко ответил инструктор с каменным, как у индейца, лицом и кривым, уродливым шрамом на левой щеке.

Группа Осипова впервые отправлялась в квест. Прочие же, кому уже довелось побывать в аномальных зонах, докладывали, что порой встречали там этого самого «противника». Что он собой представлял – загадка. Откуда приходил – неизвестно. Ни о численности, ни о цели этих существ никто не имел ни малейшего представления. Может быть, именно поэтому кто-то в свое время окрестил их «серыми». Да так и прилипло название. Поведение «серых» также оставалось непредсказуемым. Порой «серые» вели себя агрессивно, порой спешили скрыться при появлении людей. Но на контакт никогда не шли. Руководство ЦИКа считало, что «серые», как и квестеры, ищут в аномальных зонах пакали.

– Если будет возможность разойтись с «серыми», то так и поступайте. Нет – бейтесь до последнего. Помните, «серые» на переговоры не идут, пленных не берут и сами в плен не сдаются, – так закончил свою речь инструктор.

Хорошая была речь. Очень конкретная и без лишней патетики. В смысле, дают – бери, а бьют – беги. Кому не понятно?

– Это правда, что у «серых» нет лиц? – спросил напоследок Орсон.

– Правда, – ответил инструктор.

И почему-то потрогал пальцами шрам на щеке.

Спрашивается, откуда ему это было известно?

А теперь Осипов лежал на промерзшей земле, чувствуя, как даже сквозь несколько теплоизоляционных слоев специальной парки, какая и полярникам не снилась, в тело пробирается мертвенный холод. И ничего не понимал. Ровным счетом ничего.

Что тут происходит? Чего ради? Почему у него в руках автомат? Да что он вообще тут делает? Вопросов было море, и ни на один из них Виктор Николаевич Осипов, доктор физико-математических наук, признанный авторитет в области теории квантового хаоса, не мог дать ответа.

Впереди заработал автомат. Это уже стрелял Камохин. Видимо, тоже определил местоположение противника.

«Противник – от слова «противный», – подумал Осипов и пополз дальше. Вскоре он оказался под прикрытием сломанного дерева. Хотя, о каком укрытии можно говорить, если не знаешь, где прячется враг? И что у этого врага на уме? Да и кто он такой, враг этот, тоже неизвестно.

За деревом притаился Крис Орсон. О том, что это именно он, свидетельствовала нашивка с именем. Иначе и не опознать: у всех одинаковые парки и маски, скрывающие лица. Биолог сидел на корточках, прислонясь спиной к покрытому морозной коркой стволу дерева. Перед ним стоял кофр с приборами. На кофре – автомат. Не хватало только корзинки для пикника. – Ну как? – спросил Орсон.

– Что «как»? – лежа на животе, переспросил Осипов.

– Как оно, в первый раз?

Осипову показалось, что Крис усмехнулся.

Очень неудобно, надо сказать, разговаривать, когда не видишь лица собеседника.

– Да никак! – зло огрызнулся Осипов.

– Понимаю, – кивнул Орсон.

Надо же, он еще что-то понимал! Интересно – что?

– Что?

– «Серых» видел?

– Нет. А ты?

– А я вот подумал, а что если их и вовсе нет?

– Как это нет?

– А вот так. Запросто. Ты их не видел, я тоже не видел.

– А вот это ты видел? – Осипов указал на дырку в стене, оставшуюся после выстрела «серых».

– Да, это убедительно, – согласился Орсон. – Но мы же с тобой, Виктор, ученые. Следовательно, знаем, что, если имеется несколько гипотез, объясняющих одно и то же явление, но в равной степени недоказуемых, то выбирать следует наиболее простое.

Осипов озадаченно посмотрел на дырку в стене.

– Например?

– Например, мы имеем дело с неким природным феноменом.

– Фигня.

– Прости, что?

– Дерьмо.

– Да, я и не спорю. Однако ж, «серые» – точно такое же дерьмо.

– В кого же тогда стреляют Камохин с Брейгелем?

– В дерьмо, – с невозмутимым спокойствием ответил Орсон.

– Следуя твоей логике, Крис, можно прийти к выводу, что вокруг одно только дерьмо.

– Верно, – кивнул Орсон. – И мы по уши в этом дерьме.

По сути, Осипов был с ним согласен. Он, разве что, только определения выбирал более мягкие.

– Как дела, товарищи ученые? – будто из-под земли вырос Камохин.

Здоровый, под два метра. Автомат на плече. Белая теплозащитная маска будто улыбается.

– Тьфу, ты, черт! – в сердцах выругался Осипов. – Напугал, на фиг! Зачем так незаметно подкрадываться?

– Чтобы застать врага врасплох.

– Мы же не враги!

– Ладно, не пыхти, Док-Вик, привычка.

– Где «серые»? – спросил Орсон.

– Ушли.

Несмотря на краткость, а может быть, именно поэтому, ответ прозвучал очень неубедительно.

– А Брейгель?

– Еще не пришел.

– Что это было? – указал на дырку в стене Осипов.

Камохин даже не посмотрел, на что он указывал.

– Оружие «серых».

– Что за оружие?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Камохин. – Ты у нас ученый – ты и расскажи.

– Вот достань мне это оружие, тогда я тебе и расскажу, что оно собой представляет и как работает, – недовольно буркнул Осипов.

Почему-то ему все время казалось, что стрелок старается его подколоть. Хотя, скорее всего, это была обычная для Камохина манера общения. К которой просто нужно было привыкнуть.

– Где Брейгель?

– Пошел по следу «серых». Если повезет, они выведут нас точно к разлому.

То, что в аномальных зонах не работал ни один вид связи, создавало массу проблем, казущихся совершенно неуместными в двадцать первом веке. Инструктор говорил, что неплохо бы всем азбуку Морзе выучить, чтобы в случае необходимости можно было связаться, используя звук или свет. Осипов честно старался, но все эти точки и тире рябили перед гла-

зами. А когда он закрывал глаза и пытался их вспомнить, в голове начинался подлинный кавардак. Странно даже. Он помнил наизусть громоздкие математические формулы, предложение запомнить любую из которых обычный человек счел бы за насмешку. Или, хуже того, за издевательство. А вот азбуку Морзе выучить не мог. Поэтому закатанная в пластик карточка со странными сочетаниями точек и тире лежала у Осипова в кармашке на рукаве. На всякий случай.

– Ты сам «серых» видел?

Камохин сделал неопределенный жест рукой.

– Видел что-то такое...

– Какое?

– Неопределенное.

– Значит, это могли быть и не «серые»?

– Кто же тогда?

– Местные жители.

– Смеешься, Док-Вик? Аномалия накрыла город три дня назад. Представляешь, середина лета, жара, и вдруг – мороз под минус сто! Без спецснаряжения шансов выжить – никаких. Те, кто находились на окраинах, наверное, успели убежать. А остальные – вот они.

Камохин кивком указал на стоявшую неподалеку вишневую легковушку, на переднем сиденье которой, уткнувшись лбом в руль, скорчился вымороженный, похожий на мумию труп.

– А мародеры?

– В таких зонах, как эта, мародеры только по окраинам шарятся. Хотя, конечно... Да нет, даже если бы мародеры и забрались в центр зоны, все равно не стали бы вступать с нами в бой. Какой в этом смысл?

Камохин был прав. Банки, предприятия, магазины, не говоря уж о том, что находилось в жилых домах, – все было брошено в замороженном городе. Оставлено мародерам. До тех пор, пока существует разлом. Что будет потом? Этого никто не мог сказать. Быть может, новый разлом засыплет улицы города песком, как было в Петербурге. Или опустит под воду, как Москву. Если же разлом просто закроется и все станет, как прежде – это будет самым ужасным. Потому что как прежде уже не будет никогда. Мертвый город, даже оттаяв, не мог снова вернуться к жизни.

– Но если «серых» никто не видел... – начал было Орсон.

Камохин жестом прервал его.

– Брейгель сигналил. Идем!

Ученые подхватили брошенные кофры и поспешили следом за стрелком. Чем быстрее они выполнят задание, тем скорее вернутся в Центр. Никому не хотелось дольше необходимого задерживаться в этом городе, где на каждом шагу по обочинам дорог и между разбитыми машинами лежали замороженные трупы в легкой летней одежде. Возле самого разлома внезапный удар стихии был столь силен, что люди, скорее всего, даже не успели ничего почувствовать. И уж точно не поняли, что происходит. Должно быть, жуткое было зрелище, когда с неба сыпались замерзшие на лету птицы. А вот замерзших кошек и собак видно не было – этот факт Осипов в уме отметил. Вряд ли они все успели спрятаться. Причина, скорее всего, была иная. Как известно, многие животные могут предчувствовать грядущие землетрясения, извержения вулканов или цунами. Известны случаи массового исхода домашних животных из городов за несколько дней или часов до катаклизма. А что если они и появление разломов могут предсказывать? Это нужно взять на заметку и проверить.

Брейгель ждал их на перекрестке. Возле четырех столкнувшихся, будто слипшихся в ком, машин. Осипов только глянул на труп, головой пробивший лобовое стекло да так и оставшийся лежать на капоте одной из машин, и сразу отвел взгляд в сторону. Говорят, человек ко всему может привыкнуть. Быть может, и он когда-нибудь привыкнет к виду мертвых тел и станет

относиться к ним, как к не очень приятной, но, увы, неотъемлемой части работы, которой он собирался заниматься. Но пока он все еще старался не смотреть на мертвых. Хотя это было совсем непросто. С тех пор, как они вошли в город, мертвые были повсюду.

– Ну, как? – первым подошел к Брейгелю Камохин.

– Вниз по улице, а потом – налево, – стволом автомата указал направление фламандец.

– Видел разлом?

– Нет, но «серые» ушли в том направлении.

Камохин достал планшет и попытался включить. Получилось это у него только с четвертого раза – нажимать кнопки в толстых трехслойных перчатках чертовски неудобно. Предполагаемое местонахождение разлома на плане города было обозначено именно там, куда указывал Брейгель.

Осипов переключил дескан в режим поиска пакаля.

– Сигнала от пакаля нет.

– А я что могу сделать? – развел руками Брейгель.

– «Серые» нас опередили.

– Фигово, если так. – Камохин захлопнул планшет. – Найдем разлом – на месте разберемся.

По сути, стрелок был прав. Все очень неточно, неопределенно и расплывчато. И действовать приходилось вопреки всей этой неопределенности. Иначе хаос было не победить.

Они прошли мимо парикмахерской, аптеки, магазина «Пятерочка» и еще одного, со странным названием «Балтимор». При том, что мороз стоял жуткий – термоматчик, вшитый у каждого в левый рукав парки, показывал минус семьдесят два и три десятых градуса, – снега почти не было. Все вокруг: мостовую, машины, деревья, дома и трупы, – покрывал тонкий, серебристый слой изморози. От чего пейзаж становился нереальным. Ломким, надтреснутым, полупрозрачным. Будто сделанным из стекла, покрытого тончайшей резьбой. Запредельно странно смотрелись деревья, с которых даже листва не облетела. Похожие на обсыпанные сахаром причудливые фигурные леденцы, листья навечно примерзли черенками к веткам.

Осипову казалось несправедливым то, что кофры с оборудованием приходилось нести ученым. Стрелки должны были держать оружие наготове, чтобы, случись что, дать отпор врагу. Какому врагу?

– Кто первыми открыли огонь, мы или «серые»? – спросил Осипов.

– Какая разница? – не оборачиваясь, пожал плечами Камохин.

– А ты не думаешь, что нам придется писать отчеты обо всем, что здесь произошло? И лучше, чтобы в них не было разночтений.

– Молодец, Док-Вик, – одобрительно хмыкнул Брейгель. – Сразу видно – голова!

В Центре Изучения Катастроф бойцы ко всем ученым, независимо от возраста, пола и специальности, обращались одинаково – Док. И только к Осиповскому «Доку» каким-то непонятным образом прилип еще и первый слог имени.

– Первым выстрелил Ян, – уверенно заявил Камохин.

– Разве? – усомнился Брейгель.

– Ты засек перемещение «серых», дал ученым команд у «в укрытие», после чего открыл огонь по противнику. Вместе мы обратили противника в бегство.

– Как у вас все просто, – усмехнулся Орсон.

– У кого это, у нас?

– У русских.

– А что, разве не так было, Ян?

– Не знаю... Не могу точно сказать. Все как-то само собой получилось.

– Значит, будет так, как я сказал.

Вот оно как, подумал Осипов. Все получается само собой. А потом создается история, в целом не искажающая факты, однако трактующая их в строгом соответствии с принципом необходимости. Если вступили в бой – значит, нам противостояли враги. Если бой закончился без потерь – значит, мы обратили врага в бегство. Все это было для Осипова в новинку.

– Налево, – скомандовал Камохин.

Улицу, куда они собирались свернуть, перегораживали перевернувшийся автобус и с десяток врезавшихся в него машин. Нужно был либо лезть через груды искореженного, облепленного металлом, либо идти в обход. Камохин решил попусту не рисковать. Группа вернулась назад и через арку вошла в проходной двор. В небольшом скверике, зажатом приземистыми, пяти–шестиэтажными домами, все было так же, как и в тот момент, когда образовавшийся внезапно разлом в один миг превратил город в аномальную зону. Он был похож на макабрическую кунсткамеру. На скамеечках сидели старушки и молодые мамы, держащиеся за ручки детских колясок. В песочнице играли дети. Даже те, что сидели на пружинных лошадках и качелях, остались на своих местах. Примерзли. На землю упал только велосипедист, ехавший по окружающей сквер дорожке.

– Жуть какая, – едва слышно прошептал Орсон.

– А ты представь, что творится в квартирах, – так же тихо ответил ему Брейгель.

– Не хочу...

– Кончайте гундеть! – Камохин быстрым шагом направился к арочному проходу на другой стороне двора.

– Игорь! – догнал Камохина Орсон. – Ты ведь бывал в других аномальных зонах?

– Пару раз.

– И что там?.. То же самое?..

– Нет.

– Я хотел сказать, так же... Жутко?

– Бывало и хуже.

– Хуже? – Орсон бросил растерянный взгляд в сторону убитого холодом парка. – Что может быть хуже?

– Когда вокруг еще живые, а ты не можешь им помочь.

Камохин прибавил шагу, так что Орсон с кофром в руках уже не мог за ним угнаться. Он не был расположен обсуждать данную тему. В ЦИКе существовало негласное правило: вернувшиеся из аномальной зоны никому не были обязаны рассказывать о том, через что им пришлось пройти ради того, чтобы остаться живыми.

Осипов снова посмотрел на дескан.

– Нет сигнала!

– У меня тоже нет, – подтвердил Брейгель.

– Где же искать пакаль?

– Док-Вик, у тебя что, специальность такая?

– Какая?

– Задавать вопросы, на которые не существует ответов.

Выйдя через арку на улицу, квестеры оказались по другую сторону баррикады из покореженных машин. Камохин сверился с картой. Разлом, если его местоположение было вычислено точно, находился дальше по улице, в трех-четырех домах. А вот пакаль детекторы по-прежнему не фиксировали.

Орсон запрокинул голову. Небо наверху было серое, безжизненное. Как будто намалеванное наспех, кое-как. Жутковато было смотреть на него – казалось, небо может упасть и раздавить все, что под ним.

– Хоть бы снег пошел, что ли...

– Ага. Нам здесь только сугробов и снежных заносов не достает. – Брейгель ободряюще похлопал Орсона по плечу. – Не паникуй прежде времени, Док.

– А ты скажешь, когда будет пора?

– Можешь не сомневаться.

– И что тогда?

– Слушай, нам до разлома осталось пройти всего ничего. А там вы с Док-Виком сделаете свои замеры, мы с Игорем найдем пакаль. И все дела! Вернемся в ЦИК героями!

– Я не хочу быть героем, – недовольно буркнул Орсон.

– Ну, старина, тут уж я тебе ничем не могу помочь! – развел руками Брейгель. – Придется!

– Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой, – процитировал Осипов.

– А, брось, – Орсон хотел махнуть рукой, но обе руки у него были заняты. В одной – кофр, в другой – автомат. – Героями по приказу не становятся.

– Не знаю, – честно признался Осипов. – Мне не приходилось.

– А какой в этом смысл? – спросил Брейгель.

– Абсолютно никакого.

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

– Это невозможно понять.

– Тогда... какой в этом смысл?

– Вот, посмотри, – Камохин указал на здание с высоким крыльцом, мимо которого они проходили. Окна в здании были из зеркальных бронированных стекол. А на фасаде красовалась вывеска «Банк Евростандарт». – Это – банк. В нем полно денег. Мы можем войти и взять сколько захотим. Верно?

– Верно, – подумав, согласился Брейгель.

– Так почему мы этого не делаем?

– Потому что деньги сейчас ничего не стоят!

– Вот! – поднял руку с выставленным пальцем Камохин. – То есть мы не тащим деньги из банка не потому, что кристально честные, и не потому, что считаем такой поступок дурным, а потому, что в нем нет смысла!

– И что?

– А то, что если хочешь понять, в чем смысл бессмысленных поступков, тебе следует вернуться назад, вломиться в этот чертов банк и вытащишь оттуда мешок денег!

– Стойте!

Осипов бросил кофр на землю и перехватил дескан обеими руками. Пощелкав переключателем режимов, он глянул по сторонам и перебежал на другую сторону улицы. По стене дома, на углу которого остановились квестеры, расплывалась большая амебообразная клякса. Беспросветно черная и бесконечно пустая. Будто живая, она постоянно меняла свои очертания, плавно перетекая из одного бесформенного состояния в другое, такое же бесформенное. При этом, как было установлено, площадь ее оставалась неизменной. Это и был разлом пространственно-временного континуума. Вернее, его внешнее проявление в пределах физики нашего мира. Что могло находиться по другую его сторону? Да, собственно, все что угодно! Осипов знал о разломах почти все, что о них было известно ученым. Он был одним из создателей теории, объясняющей возникновение разломов, – благодаря чему в свое время и оказался в Центре Изучения Катастроф. Но он впервые видел разлом собственными глазами. И, надо сказать, это производило впечатление. Это была она – та самая ницшевская бездна, способная довести до безумия.

Глава 2

Приблизившись к разлому, квестеры встали возле него полуколем. Ученые даже кофры с приборами на землю не поставили. Для начала нужно было свыкнуться с мыслью о том, что происходит нечто совершенно невообразимое. Смотреть на разлом, находясь в двух шагах от него, – это все равно, что стоять у врат, за которыми находится чужой, неведомый мир. Ощущение жути примешивается к пьянящему чувству вседозволенности. Всего один шаг – и ты можешь оказаться по другую сторону. Не зная и даже не догадываясь, что ты там встретишь:

– А что если туда чего-нибудь кинуть? – спросил Орсон.

– Кинь, – безразлично пожал плечами Камохин.

Из всей группы лишь ему уже доводилось видеть разлом.

Желание кинуть что-нибудь в черную бездну возникало у каждого второго. Вероятно, это как-то связано с особенностью человеческого восприятия странного, необъяснимого, непостижимого объекта, которого невозможно даже коснуться рукой. Что делал древний предок человека, когда видел ползущую к нему змею – существо, абсолютно на него не похожее, ведущее себя, с точки зрения примата, противоестественно? Он брал палку подлиннее и бил змею. Или кидал камень. Именно это действие помогло ему выжить. Потому и закрепилось на уровне инстинкта.

Орсон поставил кофр на землю, положил на него автомат, посмотрел по сторонам, поднял с мостовой обломок кирпича и кинул его в разлом. Кирпич исчез. Без всплеска, без звука. Нельзя даже было сказать, что он растворился в густом, непроглядном мраке. Едва коснувшись плоскости разлома, кирпич сам стал темнотой.

– Ну как? Полегчало?

Орсон неопределенно махнул рукой. Он пока еще не определился с тем, как следует относиться к разлому на уровне личного восприятия. Но кидать в разлом что-то еще ему больше не хотелось.

Камохин переключил свой дескан в режим поиска пакаля. Дисплей прибора остался чистым. Квестер еще раз щелкнул переключателем, надеясь, что прибор барахлит на морозе. То, что даже возле разлома не удалось определить местоположение пакаля, было плохим знаком. Очень плохим. Означать он мог лишь одно – пакаля в зоне не было. Еще не было или уже не было – без разницы. Время их квеста было жестко ограничено.

– Ладно, товарищи ученые, у нас пять часов до темноты. – Камохин ребром ладони провел по дисплею, стирая осевшую изморозь. – Расставляйте свои приборы, а мы с Брейгелем пошарим по окрестностям.

Пакаля в зоне не было. Камохин понимал это лучше, чем кто-либо другой. Но он не хотел верить в то, что ему снова предстоит вернуться из квеста с пустыми руками. А значит, снова остаться без группы. У них еще было время, значит, оставался и шанс. Насколько реальный? Поглядим. Как бы там ни было, руки опускать он не собирался. Он был из породы тех странных людей, что даже в заведомо проигрышной ситуации бьются до последнего. И, случается, побеждают.

– Бдительности не теряйте. Автоматы держите под рукой. Мало ли, что. Сигнал опасности – красная ракета. Общий сбор – зеленая.

В соответствии с инструкцией, рядом с учеными всегда должен находиться хотя бы один стрелок. Ни при каких обстоятельствах их нельзя было оставлять одних. Но сейчас была особая ситуация. Камохин успокаивал себя тем, что в городе, где кроме них не было ни одной живой души, ученым ничего не угрожало. Опасную ситуацию могли спровоцировать только они сами. А эти двое вроде не идиоты. Камохин не был пока уверен, можно ли на них полагаться во всем, но доверить им их же собственные жизни, пожалуй, не так уж рискованно.

– Брейгель – налево. Я – направо. Дистанция – пятьдесят метров. Подворотни, подъезды, проходные дворы. В квартиры не заходить. Работаем!

Ученые проводили взглядами разбежавшихся в разные стороны стрелков.

– Хорошие ребята, – сказал Орсон.

– Нормальные, – согласился Осипов.

– За работу?

– А что, есть другие предложения?

Поскольку других предложений не было, ученые опустили на корточки, открыли кофры и приступили к настройке и калибровке находящихся в них приборов. В толстых перчатках с электроподогревом делать это было неудобно. Но попробуй сними – тут же останешься без пальцев. Автоматы оба положили на асфальт и тут же про них забыли.

В задачу ученых не входило проведение каких бы то ни было самостоятельных исследований. Им необходимо было лишь произвести запись ряда физических и химических параметров в зоне разлома, взять образцы для исследований и сделать несколько снимков. Анализом собранной информации будут заниматься специалисты в Центре. Осипова такая ситуация совершенно не устраивала. Он бы хотел самостоятельно составить план исследований разломов. По его мнению, заниматься этим следовало основательно и серьезно, а не в коротких перерывах между поисками пакалей. Но пока оставалось довольствоваться тем, что было. Хорошо уже то, что руководство ЦИКа включало в квест-группы ученых. А ведь могло бы отправлять только военных. Поиск пакалей, а именно они в первую очередь интересовали руководство ЦИКа, – задача не особо замысловатая. Во всяком случае, с точки зрения исследователя. Пользоваться десканом можно научить любого. При желании даже шимпанзе. Осипов рассматривал свой первый квест, как подготовительный этап. Для начала нужно осмотреться на месте, оценить особенности работы в аномальной зоне. А затем уже выходить на руководство с конкретными предложениями. Однако если не будет пакалей, то не будет и квестов. Это также следовало принимать в расчет.

– Крис, как ты оказался в квест-группе?

– Полагаю, точно так же, как и ты.

– Я имел в виду, какой интерес может представлять для биолога ледяная, безжизненная... хотел сказать «пустыня», но это все же город.

– Ну, во-первых, жизнь есть везде. Порой только требуется приложить усилие, чтобы ее найти.

– Но ты ведь сейчас занимаешься совсем другим.

– Да, я собираюсь взять пробы воздуха и льда.

– Хорошо, поставлю вопрос иначе. Чем тебе, как биологу, интересен этот квест?

– Именно, как биологу?

– Именно.

– Абсолютно ничем!

– Почему же ты изъявил желание в нем участвовать?

– Нужно было с чего-то начинать. Группе требовался врач – я согласился быть врачом.

– Ты что-то понимаешь в медицине?

– Как и любой биолог. – Орсон хлопнул ладонью по боковой стенке воздухозаборника. – У тебя все работает?

– Магнитометр барахлит... Шкала настройки постоянно слетает.

– Странно, что на таком морозе вообще хоть что-то работает.

Осипов извлек из кофра свернутый кольцами оптоволоконный кабель с крошечной видеокамерой на одном конце и разъемом для подключения к цифровому записывающему устройству на другом. Подсоединив кабель к аппарату, он обернул ругой его конец вокруг руки, зажал камеру в кулаке и направил ее на биолога.

– Господин Крис Орсон, ваши поклонники хотят знать, каково это, находиться в самом холодном месте на планете?

Орсон чуть приподнял голову.

– Честно говоря, мерзко.

– Неужели?

– Вы не поверите, господа, но я все время, постоянно, думаю о том, что, если вдруг отрубится батарея электроподогрева, то через пару минут я превращусь в сосульку.

Осипов бросил взгляд на труп мужчины в пестрой летней рубашке и шортах, скорчившийся на асфальте в трех шагах от них. «Надо же, – подумал он, – я уже научился их не замечать. Мне удастся шутить, находясь вблизи мертвецов». Человек действительно может ко всему привыкнуть. А может быть, все дело в отсутствии запаха? Тела на морозе не разлагаются. Под маской присутствует только слабый запах синтетики. Отсюда и ощущение нереальности происходящего. Этот замерзший город похож на павильон для съемок фильма ужаса. А трупы – всего лишь муляжи. Сознание само устанавливает блок в системе восприятия, не позволяющий сойти с ума.

– И все же, господин Орсон, хотелось бы услышать от вас что-нибудь более оптимистичное.

– Я счастлив, что больше никогда не увижу ни одного нового клипа Леди Гага.

– Не вижу счастливой улыбки на вашем лице.

Орсон достал из кофра черный маркер, сдернул с него колпачок и одним росчерком нарисовал на маске кривую улыбку.

– Так пойдет?

В белой маске с выпученными стеклянными глазами Орсон был похож на инопланетянина. Теперь же он здорово смахивал на маньяка, полностью слетевшего с катушек.

– Вы отлично выглядите, господин Крис Орсон! Не хотите рассказать нам о своих ближайших планах?

– В данный момент у меня одна мечта – поскорее свалить из этого паноптикума.

– Намек понял.

Осипов выдернул из кофра телескопическую штангу с зажимом на конце. Закрепив камеру в зажиме, он раздвинул штангу, проверил, не запутался ли кабель, и нажал кнопку записи. Приблизившись к разлому, он прикусил губу и начал медленно вводить камеру в середину черной кляксы, постоянно меняющей свои очертания. Поначалу все шло нормально. Чуть погодя – тоже. Осипов довольно улыбнулся под маской. Он чувствовал себя так, будто ему удалось исполнить на саксофоне невообразимо сложный пассаж, которому позавидовал бы сам Колтрейн. Он, Виктор Осипов, стоял на самом краю неведомого! Интересно, что сказали бы родители, если бы могли увидеть его сейчас? В свое время они подняли сына на смех, когда он сказал, что хочет заниматься изучением мироздания.

Штанга уже на всю длину погрузилась в разлом. Рука, которой Осипов сжимал рукоятку, замерла в сантиметре от черной пустоты. Ощущение было необычное и волнующее. Будоражащее разум, как бокал хорошего вина. Он находился менее чем в шаге от иного мира. И, черт возьми, это было покруче, чем отпечаток рифленого башмака в лунной пыли! «Этот маленький шаг человека... И удачи вам, мистер Горский!»

И в этот момент штангу рвануло так, что руки Осипова по локоть влетели в черную пустоту. А лицо оказалось в нескольких миллиметрах от плоскости разлома.

Время словно остановилось.

Он не чувствовал ничего, кроме ужаса, пронзающего тело ледяными иголками. До самых костей. Словно он превращался в сосульку. В кусок замороженной человечины. Он видел перед собой бездонную тьму. Которая на таком близком расстоянии казалась ему бархатистой. Ему даже казалось, что он различает в ней мелкие пространственные структуры, похожие на пче-

линые соты, быстро-быстро перемещающиеся с места на место, меняющиеся местами, будто в причудливой игре, правила которой он не понимал.

– Вик! – испуганно крикнул где-то позади Орсон.

Голос донесся откуда-то издалека. Словно сквозь слой ваты. Или – из другого мира. Но звуки его взломали корку льда, сковывающую волю и разум Осипова. Сознание Осипова будто взорвалось изнутри.

Осипов отпустил штангу, отшатнулся назад и упал на спину. Конец штанги исчез в разломе. С тихим, прерывистым свистом заскользил по обледеневшему асфальту кабель, уползающий в пустоту. Еще немного, и он потащит за собой кофр с аппаратурой. Осипов перевернулся на живот и поймал кабель руками. Это было все равно, что пытаться удержать несущийся по рельсам поезд. Осипова потащило по асфальту. Он едва успел извернуться и упереться ногой в стену на краю черной амебы. Кабель заскользил в руках.

– Крис! Руби кабель!

Орсон среагировал мгновенно. Бросил свои приборы, метнулся вперед, на ходу выдернул нож из ножен и в прыжке с одного взмаха обрубил кабель.

Хлестнув напоследок Осипова по ноге, обрубленный конец кабеля исчез в разломе.

Осипов упал на спину, раскинул руки в стороны и закрыл глаза. Инструктор не предупреждал, что кто-то или что-то может попытаться утащить его на другую сторону. Выходит, прежде такое не случалось?

– Что это было? – спросил Орсон.

Осипов открыл глаза.

Сверху, криво ухмыляясь нарисованным ртом, на него смотрела белая маска с выпученными глазами.

– Наверное, кому-то не понравилось, что мы лезем к нему в дом без приглашения.

Осипов сел и взглядом отыскал автомат. Может быть, есть смысл вооружиться? Что если тот, кто утащил камеру и кабель, попытается вылезти из разлома?.. Интересно, как выглядит разлом с другой стороны?

Такая же мрачная амеба?

– А мне зонд нужно запускать, – Орсон с сомнением посмотрел на черную дыру в стене. – Чтобы взять биопробы.

– Забудь, – Осипов поднялся на ноги. – С потусторонним шутки плохи.

– Ну, – Орсон сунул нож в ножны и закрепил рукоятку ремешком. – Может быть, оно только видеокамеры собирает?

– Кто – оно?

– Потустороннее.

– Я бы на твоём месте поберег зонд.

– А что в Центре скажем?

– В Центре мы покажем видеозапись того, кто утащил камеру.

– Если камера вырубилась.

– С чего бы ей вырубиться?

– А что, если он ее проглотил?

– Ну, в таком случае мы получим гастроскопию монстра с той стороны разлома.

– Почему обязательно монстр? – пожал плечами Орсон. – Может быть, кабель просто за что-то зацепился?

– За что?

– За проезжающий мимо поезд.

Такую возможность тоже нельзя было исключать. Хотя Осипову больше нравилась идея с монстром. Просмотром и расшифровкой записей, полученных с помощью запущенных в разломы видеокамер, в Центре занималась особая аналитическая группа. И мало какая инфор-

мация о том, что делается на той стороне, выходила за ее пределы. Должно быть, господин Кирсанов был солидарен с ветхозаветным пророком, утверждавшим, что во многом знании – много печали.

Особенно, когда это касалось рядовых сотрудников.

– Ты закончил?

– Почти.

Орсон вернулся к своим приборам. Постучал пальцем по дисплею химического анализатора.

– Все равно скоро все вырубится.

Осипов посмотрел на свою аппаратуру. Приборы еще работали, но показания дергались, как в лихорадке. То ли аккумуляторы сбились, то ли возле разлома так и должно быть? Знающие люди в ЦИКе объяснили Осипову, что все эти замеры делаются так, на всякий случай. Вдруг что-нибудь любопытное вылезет. Как правило, ничего не вылезало. Гораздо интереснее и ценнее показаний приборов были личные наблюдения квестеров. Хотя уже то, что группы назывались квестовыми, говорило о том, что в первую очередь руководство Центра было заинтересовано в пакалях. Осипов видел пакали только на фотографиях – инструктор показал перед квестом, чтобы знали, что искать. А вот объяснить, какой интерес представляют собой эти плоские металлические щитки размером с ладонь, с выгравированными на них рисунками, стилизованными под искусство древней Мезоамерики, инструктор не потрудились. Видимо, не считал нужным посвящать начинающих квестеров в эту тему. Конечно – зачем? Их задача – искать. А как потом пакали к делу пристроить, без них разберутся. Хотя, может быть, он и сам этого не знал.

Осипов посмотрел на термометр – минус девяносто три и три десятых градуса. Абсолютный температурный рекорд для планеты Земля. Затем – на часы. С того момента, как ушли Камохин и Брейгель, прошло чуть меньше сорока минут. Волноваться, вроде, рано. Стрельбы слышно не было. Случись что, ребята без боя не сдались бы. Хотя, опять же, с кем тут сражаться? Вся эта история с «серыми» здорово смахивает на паранойю. Или массовую истерию. Как с летающими тарелками, Лох-несским чудовищем или плазмоидами. Аномальные зоны – это такие необычные места, что им просто нельзя без собственной мифологии. Ну никак нельзя! Правда, не понятно тогда, в кого стреляли Брейгель с Камохиным? Не в собственные же тени?.. А все равно, как бы там ни было, самое большое приключение сегодня выпало на его долю. Тут, понимаешь, вполне конкретный монстр, сожравший самую что ни на есть конкретную видеокамеру. И едва не закусивший квестером.

Осипов готов был поделиться своими соображениями по поводу феноменологии «серых» с Орсоном. Но в этот момент произошло нечто такое, что поначалу повергло Осипова в ступор. А потом... Потом он долго не мог разобраться, что все же произошло?

Очертания мрачной амебы постоянно изменялись, будто она куда-то плыла, но никак не могла сдвинуться с места. Но то, что находилось внутри ее подвижных контуров, выглядело навеки застывшим, будто схваченным ледяной коркой. Даже когда Осипов вводил в разлом штангу с видеокамерой, предмет, казалось, растворялся в воздухе в долях миллиметра от области непроглядного мрака. И хотя разумом можно было понять, что на самом деле в разломе ничего не было, взгляд отказывался этому верить. Соотнесенный с человеческим опытом, разлом больше всего напоминал идеально отшлифованную плиту черного мрамора, полностью поглощающую весь падающий на нее свет. Все до единого фотоны.

И вдруг – Осипов поначалу было решил, что ему это мерещится, – поверхность разлома подернулась едва заметной рябью. Как гладь пруда, которой коснулся легкий ветерок. Затем от центра пошли концентрические круги, словно от брошенного в воду камня. И это уже никак нельзя было списать на обман зрения. Это была реальность. Невозможная, черт возьми, реальность! В центре черного пятна на стене начал вздуваться пузырь!

Позже Осипов пытался мысленно проанализировать и дать хотя бы частично объективную оценку всему произошедшему. Например, как долго все это длилось? В момент кульминации Осипову казалось, что все происходит очень, очень медленно. Но то, что Орсон, занимавшийся своими приборами, не успел ничего заметить, и сам он так и не сделал ни одного снимка, хотя и достал фотоаппарат, чтобы запечатлеть происходящее, означало, что все эти невероятные события вместились в несколько секунд. Которые сознание ошеломленного наблюдателя растянуло до минут.

Пузырь в центре разлома не лопнул, а как будто растекся по сторонам, и из черной пустоты, за которой простиралось иное пространство и время, показалось человекообразное существо. Оно высунулось из разлома по пояс, так, что Осипов мог видеть только торс, руки и голову. Несомненно, это был гуманоид с правильными человеческими пропорциями. Осипову даже почудилось, что он успел сосчитать пять пальцев на руке существа. Но все оно было словно затянато в серый латекс. Голова его представляла собой серый, гладкий шар, на котором лишь были намечены небольшие выступы и впадины, определяющие черты лица. При этом у Осипова создалось очень ясное, живое ощущение того, что существо смотрит на него, пристально и вроде бы изучающе. Мелькнула мысль – это и есть «серый»? Но закрепиться и получить дальнейшее развитие она не успела. Оставаясь в неестественном, почти горизонтальном положении, существо вытянуло вперед правую руку и сделало резкое кистевое движение. Из руки выскользнул небольшой плоский предмет, матово блеснувший в сером свете тусклого дня, ударился об откинутую крышку кофра и, тихо звякнув, упал Осипову под ноги. Осипов опустил взгляд всего на секунду. Но когда он вновь посмотрел на разлом, тот выглядел так же, как и всегда. Бездонно черная, медленно видоизменяющаяся амебообразная клякса на серой стене дома.

На миг Осипову подумалось, что ничего не произошло. Вернее, произошло, но не на самом деле, а лишь в его воображении. В стрессовой ситуации сознание порой выкидывают странные фокусы. Они находились в замороженном городе, превратившемся в гигантский могильник почти для всех его обитателей. Одно это уже наводило на мысль о тотальном безумии. Всего и вся. Как верно заметил Орсон, любая неполадка в системе обогрева их костюмов закончилась бы почти мгновенной смертью. В такой обстановке легко можно было начать грезить наяву. А может быть, его перенапряженный мозг на миг отключился? Он на мгновение заснул, стоя на ногах, и увидел странный сон, в котором смешалось все, о чем он все время думал? Право слово, Осипову очень хотелось в это поверить. Но в пяти сантиметрах от мыска его левого унта, как решительное опровержение версии о временной невменяемости, лежала квадратная металлическая пластина размером с ладонь. Пакаль. Тот самый таинственный артефакт, ради которого и был организован квест.

Осипов тронул пакаль мыском унта. Металлическая пластинка сдвинулась с места. Для того, чтобы окончательно удостовериться в ее реальности, оставалось только взять пакаль в руку. Без перчаток. Чтобы подушечками пальцев ощутить бороздки выгравированного на пластине рисунка. К сожалению, сделать это было невозможно – пальцы моментально пристынут к переохлажденному металлу.

Впрочем, можно было поступить иначе.

– Крис!

Из-за крышки кофра показалась улыбающаяся маска Орсона.

Странно, почему никто прежде не додумался наносить метки на маски? Тогда не нужно было бы смотреть на нашитые бирки с именами, чтобы понять, к кому ты обращаешься.

– Можно тебя на минутку? – очень спокойно и вежливо, почти церемонно позвал Осипов.

– Зачем?

– Подойди, пожалуйста.

Что-то недовольно буркнув, Орсон встал и перешагнул через кофр с приборами.

– Ну?

Осипов молча указал на пластинку под ногой.

– Пакаль, – растерянно произнес Орсон. – Он что, так и валялся здесь?

Вопрос поставил Осипова в тупик. Не то, чтобы он не хотел или боялся рассказывать о том, что произошло. Он просто не знал, с чего начать. В общем, несложно было представить, какая будет реакция, если он скажет, что из разлома вылез «серый» и кинул ему под ноги пакаль. Да, вот просто так взял и кинул. Здорово, да?

– Не знаю, – Осипов наклонился и попытался взять пакаль в руку.

Сделать это оказалось не просто. Пальцам в плотных перчатках из синтетического материала никак не удавалось найти зазор между тонкой металлической пластиной и обледеневшим асфальтом. Наконец Осипов догадался вытащить нож и кончиком подцепить пакаль. Пластина оказалась удивительно легкой, почти невесомой. Углы квадрата были сглажены, а одна из плоскостей чуть выпукла. На выпуклой стороне был вырезан или выдавлен рисунок, который Осипов, не будучи специалистом, сразу же определил, как относящийся к доколумбовой мезоамериканской культуре. На рисунке человек с огромным носом, оттопыренными губами и выпученными глазами, в головном уборе из птичьих перьев, нелепо раскинув руки в стороны, выделял ногами чудные кренделя. При всей своей невозможности поза человека вовсе не казалась неестественной. Глядя на рисунок, можно было поверить, что все древние майя именно так и ходили – задрав вверх нос, раскинув руки в стороны и вскидывая ноги едва ли не до плеч. Перевернув пакаль на другую сторону, Осипов увидел только две прямые линии, пересекающие пластину под разными углами и перекрещивающиеся неподалеку от правого нижнего угла. Относительно того, как он его держал.

Орсон включил дескан. В центре дисплея горела яркая красная точка, указывающая местоположение пакаля.

– Раньше его тут не было.

– С неба упал? – попытался свести все к шутке Осипов.

Несмотря на откровенную бредовость гипотеза заинтересовала Орсона. Он даже посмотрел на небо, как будто прикидывая, откуда именно мог выпасть пакаль.

– Откуда они вообще появляются? Пакали, я имею в виду.

– Может быть, это «серые»? – осторожно предположил Осипов.

– При чем тут «серые»? – не понял намек Орсон.

– Что если это «серые» подкидывают нам пакали?

– Зачем?

– Не знаю. Но, посуди сам, пакали почти всегда находят неподалеку от разлома. Верно?

– Верно.

– «Серые» появляются только в аномальных зонах и также только вблизи разломов. А если два явления наблюдаются в одном и том же месте примерно в одно и то же время, то можно предположить, что они взаимосвязаны.

– «Серые» охотятся за пакалями – вот тебе и связь. – А если нет?

Орсон взял пластинку у Осипова и сначала внимательно рассмотрел ее. Затем попытался согнуть.

– Прочная.

– Так как тебе моя идея насчет «серых»?

– Честно сказать, мне все равно. – Орсон вернул Осипову пакаль. – Я понятия не имею, что это за штука, кому и зачем она нужна! Я хочу лишь поскорее отсюда убраться. Мне не комфортно находиться там, где вокруг одни мертвецы. И где я сам в любой момент могу превратиться в замороженный труп. Понимаешь?

Не дожидаясь ответа на свой, в общем-то риторический, вопрос, Орсон достал из сумки ракетницу, поднял над головой и дернул запал. Сначала раздался приглушенный хлопок. Затем

зеленая ракета с недовольным шипением устремилась к серому небу. Должно быть, в ракетнице ей было спокойно и уютно. А теперь ей предстояло сгореть за тридцать секунд. Это судьба, рок или проклятие?

Глава 3

Камохин с Брейгелем были, конечно, удивлены тем, что пакаль нашелся там, где сначала его не было. Но не так, чтобы очень. И уж подавно, ни у одного из них не возникло желания выяснять, как так получилось. Главное – они заполучили то, что требовалось. И теперь они могли с чистой совестью и чувством выполненного долга возвращаться в Центр. Их квест уже был отмечен большим жирным знаком «ПЛЮС». А что еще требовалось? Даже рассказ о том, как кто-то или что-то чуть было не утащило Осипова в разлом, не особенно заинтересовал стрелков. Поэтому историю о «сером», бросившем пакаль ему под ноги, Осипов решил пока попридержать, решив, что, наверное, будет лучше обсудить это в более спокойной обстановке. Хотя бы в тепле и за чашкой чая.

Ни у кого не было желания оставаться в замерзшем городе дольше необходимого. Не то это было место. Единственной мыслью, возникающей при взгляде по сторонам, было – как бы поскорее оказаться где-нибудь подальше? А разобраться с тем, что происходит в аномальных зонах, пытались неоднократно. Причем самыми разными способами. Начиная мозговым штурмом и заканчивая вводом ограниченного войскового контингента. То, что происходило вблизи пространственно-временных разломов, никак не желало укладываться в рамки здравого смысла. Стоило только ученым создать новую теорию или военным – выработать новую тактику, как тотчас же случалось что-нибудь такое, что ставило крест на всех их героических усилиях. На одной из первых международных конференций, посвященных проблеме Сезона Катастроф, профессор Шатковский сказал: «Невозможно бороться с тем, чего мы не понимаем». С тех пор мало что изменилось. А то, что изменилось, так только в худшую сторону. Мировая экономика и вся система жизнеобеспечения развитых стран были близки к коллапсу. Средств на научные исследования уже почти не выделяли, потому что никто почти не верил в то, что наука способна что-то противопоставить надвигающемуся апокалипсису. Военные пока еще продолжали раздувать щеки и выпячивать животы, но от этого, честно говоря, толку было еще меньше, чем от науки. Раз эдак в десять.

Квестеры прекрасно понимали, что вчетвером им никак не справиться с мировой проблемой. Для того, чтобы попытаться хоть что-то понять, хотя бы на самую малость приблизиться к разгадке природы Сезона Катастроф, нужна была не квест-группа, а серьезно подготовленная и хорошо оснащенная научная экспедиция. А те замеры, которые они делали, были всего лишь имитацией научной деятельности. Единственное, что могло представлять интерес – это запись, сделанная камерой, оставшейся по ту сторону разлома. Но просмотреть ее в полевых условиях было невозможно – записывающий блок был для этого не приспособлен. Поэтому оставаться далее возле разлома не имело смысла. Быстро упаковав приборы и инструменты, квестеры отправились в обратный путь.

Они шли торопливо, почти не разговаривая, лишь изредка перебрасываясь короткими замечаниями, стараясь не смотреть по сторонам, на замерзшие трупы. Осипову почему-то казалось, что это нехорошо – то, что он уже почти привык к виду мертвецов и обращает на них внимание не больше, чем на разбившиеся машины, загораживающие проход. Но он старался не заикливаться на этой мысли. Подумать об этом можно будет потом, когда они окажутся в тепле. Сейчас же нужно было выбираться из замерзшего города. И поскорее. Странное чувство, отдаленно напоминающее страх, но имеющее иную природу, гнало их вперед. Это было что-то схожее с дурным предчувствием. Которое невозможно рационально объяснить, но которому трудно не верить. Казалось, что если только они задержаться хотя бы ненадолго, то никогда уже не смогут покинуть этой гигантской криогенной лаборатории. Они ведь даже не знали, как называется город. И не хотели этого знать. Для них это место было «Зоной 33». И только. Никакой персонификации. Никаких деталей, способных запасть в душу.

Когда впереди, в просвете улицы, показались ворота стадиона, на открытом футбольном поле которого квестеров ожидал вертолет, все повеселели. И рюкзаки с кофрами тоже вроде как сделались легче. Группа почти вернулась в Центр. Теперь уже ничего не могло случиться. Брейгель начал напевать какой-то жизнерадостный мотивчик, вставляя порой фламандские слова, похожие на радостные возгласы. А Орсон в который раз начал рассказывать анекдот, который все никак не мог довести до конца из-за сложностей с переводом английского юмора на русский язык.

Все закончилось, будто оборвалось, когда они миновали ворота и через проход для игроков вышли на поле.

По счастью, в момент катастрофы на стадионе не проходили никакие мероприятия. Иначе бы спортивный комплекс превратился в гигантский склеп. Лишь у пустого постамента, на котором было выбито имя «ЛЕНИН», лежал зачоченевший труп дворника, мертвой хваткой вцепившегося в метлу. Да на беговой дорожке упали замертво, сраженные убийственным холодом, четверо тренировавшихся там спортсменов.

Все было мертвенно тихо и безжизненно.

Однако дверь пассажирского отсека вертолета была открыта.

Камохин сделал знак Брейгелю, сдернул автомат с плеча и снял с предохранителя.

– Оставайтесь здесь! – велел он ученым.

– Что случилось? – попытался схватить его за локоть Орсон.

– Не знаю.

Орсон опустил на землю кофр и растерянно посмотрел на Осипова. Тот так же непонимающе пожал плечами.

Стрелки с автоматами наперевес подбежали к вертолету.

Брейгель запрыгнул в открытую дверь пассажирского отсека. Камохин – в кабину пилота. Через минуту оба показались снова. Камохин махнул рукой, давая знать, что можно подойти.

«Чертовы маски, – уже в который раз подумал Осипов, – из-за них невозможно понять, чего следует ожидать».

– Плохие новости, – сообщил Камохин, не дожидаясь, когда ученые приблизятся. – У нас нет транспорта.

– А это что? – Орсон возмущенно махнул рукой в сторону вертолета.

В отличие от него Осипов сразу, по интонациям голоса, что ли, понял, что Камохин не шутит. Причина пока была не ясна, но дело, похоже, действительно приобрело дурной оборот.

– Это никуда не полетит, – ответил Камохин.

– Как это, не полетит? – Орсон кинул вещи на землю. – Почему не полетит?

Камохин сделал шаг в сторону. И ученые увидели пилота. Он сидел на своем месте, скорчившись и уткнувшись лбом в приборную панель. Его теплозащитная маска была перемазана кровью.

– Черт!.. – в отчаянии взмахнул руками Орсон. – Проклятие!.. Ад и преисподняя!..

– Он сам это сделал? – спросил Осипов.

– Нет, – отрицательно качнул головой Камохин. – На него напали. По всей видимости, мародеры. Не знаю, что они тут рассчитывали найти, но все, что смогли, сломали. Бензобаки пробили. Забрали только два дополнительных комплекта одежды с подогревом.

– Ты же говорил, что мародеры только по окраинам зоны шарятся?

– Говорил. Я и сейчас в толк не возьму, какого черта они сюда забрались?

Осипов посмотрел по сторонам. Как будто хотел убедиться, что мародеры, убившие пилота, не сидят на зрительских трибунах.

– В центре больше банков, ювелирных салонов, дорогих магазинов, – заметил Брейгель. – Что еще может представлять интерес для мародеров?

– Если все будет продолжаться, как сейчас, то скоро банка консервов будет стоить дороже, чем кольцо с алмазом в двадцать четыре карата, – маска Орсона мрачно усмехнулась нарисованной улыбкой.

– Должно быть, у них есть какое-то средство передвижения.

– Ни одна машина на таком холоде не заведется.

– Но есть ведь спецтранспорт. Снегоходы... Или как их там?.. Снегокаты?

– Да какая, на фиг, разница? У нас нет ни того, ни другого! Связи тоже нет! Как выбираться будем?

– Спокойно! – поднял руку Камохин. – Не суетитесь! Выберемся!

– Да? Каким же образом?

– Пойдем пешком.

– Ты в своем уме?!

Орсон, казалось, готов был наброситься на Камохина с кулаками. Как будто это он был виноват в том, что случилось. Хотя досталось бы при этом, конечно, Орсону. Но ему, похоже, было все равно.

– А что, я произвожу впечатление идиота? – спокойно ответил Камохин.

– Ты вообще не производишь никакого впечатления! – помахал у него перед глазами перчаткой Орсон. – У тебя маска на лице!

– В общем так, товарищи ученые, всю свою поклажу оставляете в вертолете.

– У меня носитель с очень важной записью! – вспомнил о съеденной потусторонним монстром камере Осипов.

– Я сказал, все оставляете в вертолете, – повторил Камохин. – Никуда ваше добро не денется. А как доберемся до Центра, сюда отправят другой вертолет, чтобы забрать ваши бесценные результаты исследований.

– Послушайте! – возбужденно взмахнул обеими руками Орсон. – Но ведь если мы не вернемся вовремя, за нами пришлют спасателей! Значит, нам остается только дожидаться их! Здесь, возле вертолета!

– Не пришлют, – обескуражил его Камохин.

– Почему?

– Потому что это не предусмотрено правилами. Если группа не вернулась из квеста, значит, ее больше нет. И некого спасать.

– Но это неправильно!

– Скажи об этом господину Кирсанову, когда вернемся.

– Брейгель! Ну а ты чего молчишь? – Орсон протянул руку фламандцу, будто прося милостыню.

– А что я должен сказать? – непонимающе пожал плечами тот. – Бамалама, Док!

– Ты тоже считаешь, что мы должны сами, пешком, выбираться из зоны?

– А есть варианты?

Орсон беспомощно всплеснул руками.

Камохин присел на подножку пассажирского люка, положил на колено открытый планшет и включил карту города с прилегающими окраинами.

– До окраины города нужно пройти всего-то около десяти километров. Оттуда до границы аномальной зоны еще около сорока километров по открытой местности. За день можно было бы дойти. Но у нас осталось менее трех часов до темноты. Ночью температура воздуха упадет ниже ста градусов. Это даже для нашего спецнаряжения может оказаться перебором. Да и топать в темноте по улицам города, где на каждом шагу трупы и разбившиеся машины, не очень-то сподручно. Так что нужно найти место для ночевки. Завтра выберемся из зоны, свяжемся с ЦИКом, и вот тогда уже будем ждать спасателей. В тепле и на травке. – Я есть хочу, – голос у Орсона был обиженный.

– У тебя в спецпайке есть шоколад. Сунь под маску и жуй. Нормально поедим, когда найдем место для ночевки. С собой берем только оружие, боеприпасы, запасные батареи, чтобы дубу не дать, ну и еду, разумеется. Мародеры оставили ящик с экстренным пайком. Должно быть, решили, что это обычные консервы, каких в любом магазине полно. Да только магазинный товар и топором не разрубишь. А у нас в пайке замечательные саморазогревающиеся пакеты и банки из армейского спецпайка. Так что раскидывайте их по рюкзакам, и вперед.

Осипов не считал попытку пешком выбраться из зоны безумием. Тем более, что, как верно заметил Брейгель, выбора у них все равно не было. Он вообще чувствовал себя до странности спокойно. Настолько, что сам удивлялся собственной невозмутимости. Собственно, ничего ужасного в том, что случилось, не было. За исключением смерти пилота, разумеется. Они были живы и здоровы, у них было тепло и еда. Значит, у них имелись все шансы выбраться из этой проклятой климатической аномалии. Правда, Осипов подозревал, что после этого приключения он долго будет недолюбливать зиму со всеми ее снегами, метелями и морозами.

– Так, может быть, и перестрелка у нас была не с «серыми», а с мародерами? – спросил он у Камохина.

– Я еще в состоянии отличить человека от «серого», – ответил тот, укладывая в рюкзак серебристые пакеты с армейским пайком.

– А «серые» – не люди?

– «Серые» – это «серые». Кто они такие, пускай вон Док разбирается. Это по его части.

– Я еще ни одного «серого» не видел, – недовольно буркнул Орсон.

– Ну, будешь продолжать в квесты ходить, так непременно увидишь, – пообещал Брейгель.

– Что-то меня эта идея более не привлекает, – Орсон патетично раскинул руки в стороны. – Мне, как биологу, здесь нечего делать! Я даже труп вскрыть не могу!.. Да и зачем? И без того ясно, от чего все они умерли.

– Это первый квест нашей группы, – объяснил Камохин. – Можно сказать, тренировочный. Поэтому и зона была выбрана, что попроще. Собственно, нам тут и делать-то нечего было, кроме как пакаль отыскать. И если бы не мародеры, тудыть их в грязь... Есть такие зоны, в которых биологам одно раздолье. Аномалии бывают не только климатические. Так ведь, Док-Вик?

– Пространство и время на пару сошли с ума. – Осипов закинул полупустой рюкзак за спину, защелкнул крепление на груди и попрыгал, чтобы проверить, хорошо ли подогнаны лямки. – И вытворяют, что хотят, не подчиняясь никаким законам и правилам. Поскольку теоретически число возникающих разломов пространственно-временного континуума ничем не ограничено, то и вариантов того, что можно встретить в той или иной аномальной зоне, практически бесконечное множество. Наша зона, пожалуй что, действительно одна из самых простых и незатейливых возможностей невозможного.

– Значит, чисто теоретически, в одной из аномальных зон я могу встретить своего давно умершего прадедушку? – спросил Брейгель.

– Чисто теоретически, Ян, ты можешь встретить даже себя самого, – улыбнулся под маской Осипов. – Вот только практически вероятность такой встречи ничтожно мала.

– Нет, встретиться с самим собой я бы не хотел, – подумав, отказался от такой перспективы фламандец.

– А я бы встретился, – сказал Камохин.

– Зачем? Чтобы сказать самому себе все, что ты о себе думаешь?

– Чтобы понять, что я собой на самом деле представляю.

– То есть человек ты или «серый»?

– Скрупулезно подмечено, Док-Вик. – Камохин направил на Осипова указательный палец. – Ну что, товарищи ученые, готовы?

– У меня автомат заклинило, – сообщил Орсон.

– В каком смысле?

– Вот эта штука не дергается.

– Ты же проходил подготовку, Док!

– Есть вещи, которые просто невозможно запомнить!

– Эта штука, Док, называется «затвор». И дергать его не надо, потому что он у тебя уже взведен. Теперь для того, чтобы открыть огонь, тебе лишь нужно снять оружие с предохранителя. Знаешь, как это сделать?

– Вот так?

Орсон опустил планку предохранителя.

– Вот только не нужно при этом направлять ствол мне в живот! – Брейгель поднял руку в предостерегающем жесте.

– Извини. – Орсон опустил ствол автомата.

– Поставь автомат на предохранитель, Док.

Команды стрелять не было.

– Да, конечно. – Орсон поднял планку предохранителя в исходное положение.

– Все, выступаем. Идем быстро, на всякую ерунду не отвлекаемся. Я впереди, ученые – за мной, Брейгель – замыкающий. Док-Вик, ты включи инфрасканер и детектор движения. И постоянно следи за показаниями. Если эти драные мародеры мотаются по городу в своих мотосанях, есть шанс снова с ними встретиться. А нам это совершенно ни к чему.

– А как же он? – кивнул на мертвого пилота Осипов.

– Он? – Камохин через плечо посмотрел на оставшийся за спиной вертолет. Как будто не понимал, о ком идет речь? – Он останется здесь.

– Его заберут те, кто прилетят за аппаратурой?

– Если сочтут нужным.

Если сочтут нужным...

Осипов уже не знал, как к этому относиться. Он не понимал, правильно это или нет. Но он не чувствовал себя запутавшимся. Мир сошел с ума. Для того, чтобы самому сохранить разум, нужно было воспринимать то, что происходило вокруг, как должное. Хотя бы только потому, что изменить что-либо было невозможно.

Глава 4

Оставив стадион позади, квестеры вышли на широкую улицу, которая самым коротким путем должна была вывести их к окраине города. Таблички на домах уверяли, что это Московское шоссе. Что ж, возможно, когда-то так оно и было. Теперь же в этом названии не было никакого смысла. Потому что Москва ушла под воду, как легендарный Китеж-град. Утонула так быстро, что из всего ее огромного населения спаслось что-то около трети. До катастрофы Московское шоссе, по всей видимости, являлось главной транспортной артерией города. Когда город накрыл могильный холод, движущиеся машины остались без управления. На четырехполосном шоссе и прилегающих к нему тротуарах воцарились безумие и хаос. Подлинный триумф вышедшей из-под контроля машинерии. Автомобили на скорости вылетали на тротуары, давили только что упавших и, быть может, еще живых людей, а затем врезались в деревья, киоски и стены домов. Машины сталкивались друг с другом, сбивались в плотные группы, в которых грузовики, казалось, пытались забраться на маленькие легковушки и раздавить их, размазать по асфальту. Затем где-то в центре этого чудовищного нагромождения металла раздавался первый взрыв. И пламя, вырвавшись наружу, начинало пожирать растекшийся бензин. Вскоре уже все машины были охвачены огнем. Но при этом моторы продолжали реветь, и в огненной гряде все еще происходило некое сумбурное движение. Это продолжалось час или два. Пока не взорвалось все, что могло взорваться, и не сгорело все, что могло сгореть. Теперь повсюду были только обгоревшие железные остовы машин, похожие на скелеты доисторических чудовищ. Места скопления их были настолько плотными, что это создавало препятствие движению. Приходилось возвращаться и идти в обход по боковым улочкам.

Небосвод оставался все таким же свинцово-серым, затянутым плотным слоем не облаков даже, а какой-то плотной, туманной дымки, за которой не было видно солнца. Но теперь с востока на него начала напоздать темная пелена, похожая на платок, наброшенный с одной стороны на светильник, чтобы не слепил глаза.

Это ночь накрывала замерзший город.

– Пора бы где-нибудь приткнуться, – сказал, глянув на небо, Брейгель. – Не нравится мне эта черная тень, бамалама...

– Здесь негде приткнуться. – Камохин шагал впереди, положив автомат на плечо. – Нужно дойти до промзоны. Там можно попытаться найти что-нибудь вроде кочегарки или бытовки с печкой. Чтобы можно было огонь разжечь. Мне уже осточертела маска на лице. Чувствую себя в ней клоуном.

– А мне вообще здесь не нравится, – высказал свое мнение Орсон.

– Я имел в виду, что странно это как-то. – Брейгель поднял руку к небу, одна половина которого была серой, а другая – черной. – Солнца не видно. А тьма наступает так, будто нас колпаком накрывают. Что скажешь, Док?

– А что я могу об этом знать? – недовольно буркнул Орсон. – Я – биолог. А тут какая-то свихнувшаяся космогония.

– Не космогония, а космология, – уточнил Осипов.

– А по мне, так без разницы, – махнул рукой Орсон. – Космогония, космология – все одно, ничего не понятно. Сплошная схоластика. Скажешь, я не прав?

Человек, как в кокон упакованный в плотный теплозащитный костюм, да еще и с маской на лице, почти не ощущал движения воздуха. Но, судя по тому, как раскачивались обледеневшие ветки деревьев, навстречу, прямо в лицо, дул сильный ветер. Если бы шел снегопад, ветер мог бы обернуться метелью. А так он лишь поднимал с мостовой мусор и осыпавшиеся листья, которые, сталкиваясь, крошились, негромко потрескивая, как тонкие ледяные пластинки.

– Ты не прав, – сказал Осипов.

– Хочешь сказать, ты можешь объяснить, что сейчас происходит там, наверху?

– Не могу. Но я пытаюсь это понять.

Орсон усмехнулся.

– И за этим ты сюда пришел?

– А у тебя другая цель?

Орсон ответил не сразу.

Они обогнули остов сгоревшего автобуса. Краем глаза Осипов успел заметить обугленные тела в выгоревшем салоне. Один за другим перелезли через капот врезавшегося в «маршрутку» красного «Фиата», который каким-то чудом избежал огня. Прижавшись к стене здания, обошли завалившийся на бок длинный черный лимузин.

– Черт, вы только гляньте, – выдохнул Камохин, когда они оказались позади лимузина.

Из открытой задней дверцы на треть высовывался гроб. Весь блестящий, видимо, из какой-то дорогой породы дерева, с ажурной инкрустацией и массивными медными ручками. Не гроб, а произведение искусства.

– Покойнику повезло больше всех, – философски изрек Брейгель.

– Почему? – спросил Орсон.

– Он хотя бы в гробу.

– Ай, да ну тебя! – раздраженно воскликнул Орсон. – Тоже мне, юморист сыскался! Я думал, ты что-нибудь дельное скажешь.

Пройти дальше было невозможно из-за нагромождения машин. Пришлось пролезать в арку, ведущую во внутренний двор.

– Если честно, я и сам не знаю, зачем попросился в квест, – продолжая прерванный разговор, сказал Орсон. – Мог бы сидеть себе спокойно в лаборатории и изучать доставленные поисковиками образцы.

Видно, надоело.

– Что именно? – не понял Осипов.

– Дисциплина, как в казарме. Строго в определенное время тебя запускают в лабораторию. Опоздаешь на минуту – пиши объяснительную. Придешь на минуту раньше – то же самое. Если захотел в туалет, нужно попросить разрешения выйти. В четырнадцать ноль-ноль обед. И никого не интересует, проголодался я или нет. Ровно в девятнадцать ноль-ноль следует встать и покинуть рабочее место. А может быть, меня в этот самый момент гений осенил! Нет же, гению после семи вечера полагается отдыхать!

– Это называется дисциплиной, – авторитетно заявил Камохин. – Центр, фактически, находится на военном положении.

– А мне это не нравится.

– Док, тебя что, силой приволокли в ЦИК?

– Мне пообещали предоставить идеальные условия для моих исследований.

– И что, обманули?

– Нет.

– Так в чем же дело?

– В том, что я не могу работать в таких условиях! В Новом гуманитарном колледже в Блумсбери, где я работал и преподавал до перехода в ЦИК, порядки тоже были строгие. Очень строгие, господа! Такие, какие могут быть только в Англии с ее вековыми традициями! Но даже они не идут ни в какие сравнения с тем, что ты, Игорь Владимирович, называешь дисциплиной. Порядки, установленные в ЦИКе, да будет тебе известно, друг мой, это уже не дисциплина, а тюремный режим!

– Зато все мы еще живы, – нашел устраивающий всех компромисс Брейгель.

Надо сказать, фламандец вообще был мастером компромиссных решений. А вот заставить его самого пойти на компромисс вряд ли бы кому удалось.

Осипов заученным движением провел большим пальцем по дисплею дескана, стирая изморозь.

– Черт!

Он запнулся ногой о тонкую металлическую трубу, лежавшую поперек дорожки, и упал на колени.

Брейгель подхватил его под локоть, чтобы помочь подняться.

– Порядок, Док-Вик?

– Смотри! – Осипов прижал сканер к маске фламандца.

– Эй! Я так ничего не вижу! – сделал шаг назад Брейгель.

– Что там у вас? – обернулся Камохин.

– Тепловое пятно!

Камохин остановился.

– Где?

– Впереди. Метрах в сорока.

Путь вперед им преграждал длинный восьмиэтажный дом. Для того, чтобы обойти его, нужно было либо снова выйти через арку на Московское шоссе, либо повернуть в другую сторону и уйти еще дальше вглубь дворов.

– Мародеры, – предположил Камохин.

Да, собственно, других вариантов и не могло быть.

– Не-а, – глянув на дисплей прибора, что держал в руке Осипов, покачал головой Брейгель. – Это не машина. Пятно большое, а интенсивность излучения слабая. Бамалама, это какое-то отапливаемое помещение!

Если бы катастрофа случилась зимой, то центральная система отопления какое-то время еще могла бы поддерживать в домах температуру, при которой возможно выжить. Но мороз ударил среди лета, в самую жару. Из-за обледенения электроснабжение было прервано через полчаса. Котельные, обеспечивающие централизованное отопление и горячее водоснабжение в городе, могли бы послужить укрытием от холода. Но, по данным аэрофотосъемки, последняя из них взорвалась к исходу второго дня катастрофы. Других источников тепла в городе не было. Жители умерли прежде, чем успели что-то предпринять для того, чтобы спастись от холода. Да какое там! Они даже подумать об этом не успели!

Камохин включил свой дескан и проверил показания инфрасканера.

– Ну как? – спросил Брейгель.

– Это точно не машина... Похоже, ты прав – отапливаемое помещение.

– Посмотрим, что там? Или обойдем стороной?

– Возможно, это временная база мародеров. Если у них есть средства передвижения, они могли притащить с собой дизельный электрогенератор.

– Сколько их может быть? Трое-четверо?.. Ну, пускай, пятеро. Не больше. Скорее всего, гражданские.

Оружием пользоваться толком не умеют.

– И они нас не ждут. Мы застанем их врасплох.

Темная пелена затянула больше половины небосвода. Сумрак словно витал в воздухе, подобно сизому дыму. Делался плотнее, гуще. Казался почти осязаемым. От этого становилось не по себе.

– Эй! О чем это вы? – подал голос Орсон.

– Мы захватим базу мародеров и спокойно проведем там ночь, – ответил Камохин.

– Ага! – по тому, как Орсон произнес это междометие, можно было представить, какое у него сейчас выражение лица под маской. Скепсис, ирония и сарказм, наложенные друг на друга, как кусочки сыра, яичницы и ветчины в сэндвиче. – Если кого-то интересует мое мнение, – он

сделал паузу. Выразительную, но короткую. Таковую, чтобы никто не успел вставить ни слова. – То я предлагаю ступить себе мимо. И не искать приключений на свою задницу.

– Бамалама, Док! – с показным возмущением всплеснул руками Брейгель. – Ты же преподавал в Новом гуманитарном колледже в Блумсбери!

– И что с того? Думаете, после Блумсбери моя задница мне не дорога?.. Кроме того, я не преподавал, а был ассистентом... Вик! А ты что молчишь?

– Игорь уже принял решение, – отозвался Осипов.

Честно говоря, ему, как и всем, хотелось в тепло. Так сильно хотелось, что не возникало желания думать ни о чем другом.

– Нет, так дело не пойдет! – протестующе затряс головой Орсон. – Такие вопросы следует решать сообща!

– Три против одного, – Камохин показал биологу три пальца. – Достаточно демократично?

Орсон сник. Плечи его опустились, так что ремень автомата сполз на сгиб локтя. Даже нарисованная улыбка сделалась какой-то совсем уж невеселой.

– Только не думайте, что я трус. Я просто хочу, чтобы все закончилось хорошо... Чтобы мы выбрались из этой проклятой зоны живыми, и... И еще, мы ведь одна команда, верно? Значит, должны все решать сообща и действовать вместе!

– Все верно, Док, – Брейгель ободряюще похлопал Орсона по плечу. – Мы и не собираемся, очертя голову, лезть в драку. Сейчас мы только прикидываем варианты. Подойдем, посмотрим, оценим обстановку, а там уже решим, что делать. В принципе, двум профессионалам не составит труда справиться с небольшой, плохо организованной группой мародеров. Вам, товарищи ученые, нужно будет только обеспечить нам прикрытие, – последнее он добавил для того, чтобы Орсон снова не решил, что его пытаются задвинуть в угол. – А если у них еще и транспорт есть, так это вообще красота!

– Согласен, Док? – спросил Камохин.

– Ну, в сложившейся ситуации... – Орсон изобразил рукой какой-то непонятный знак. – А что будет с мародерами? После того, как мы захватим их базу?

– Там видно будет, – не ответил, а ушел от ответа Камохин.

Хотя ответ, в общем-то, был очевиден.

– Они убили пилота, – напомнил Брейгель. – Ты был с ним знаком? – спросил Осипов.

– Нет. Но это был наш пилот. И, застрелив его, они создали нам кучу проблем.

Глава 5

– Ничего не видно, – Камохин опустил бинокль. – Ни следов, ни транспорта. Вообще никаких признаков жизни.

– Если не считать тепла. – Брейгель постучал пальцем по дисплею, как будто надеялся, что прибор вдруг одумается и перестанет показывать тепловое пятно.

Квестеры сидели на корточках, укрывшись за припаркованными во дворе машинами. Источник инфракрасного излучения находился в конце дома, в полуподвальном помещении, куда вела лесенка в семь ступенек, огороженная металлическими периллами. Над лесенкой красовалась вывеска, извещающая, что внизу находится магазин, принадлежащий фирме «Рас-токин и К». Стандартная вывеска, без особых вывертов и причуд. Обычный магазин, торгующий всем, что может вдруг понадобиться жильцам близлежащих домов. От туалетной бумаги до ручных газонокосилок.

– Стекла в окнах целы. Окна, вроде как, изнутри заколочены.

– Окна маленькие – удобно в плане теплоизоляции.

– Дверь металлическая.

– Может, там что-то горит? – предположил Орсон.

– Вон, видишь, – Брейгель указал на окна выгоревших квартир, от которых вверх тянулись черные языки копоти. – Все, что загорелось, давно уже погасло.

– Что же это тогда?

– Какой-то переносной генератор.

– Или печка.

– Если была бы печка, то был бы и дым.

– С торца дома тоже могут быть окна. Дым ветром уносит за дом, а мы его не чувствуем из-за фильтров в масках.

– Ладно. Я пойду посмотрю.

Камохин прижал автомат локтем, пригнувшись, добежал до арки и нырнул в заполнявшую ее темноту. Оказавшись на другой стороне, он пробежал вдоль стены дом и выглянул за угол. Точно! В торцевой стене дома имелось еще одно узкое полуподвальное оконце, из которого струился дымок. Однако и здесь на тротуаре не было видно никаких следов. Как будто те, кто находились внутри, с самого первого дня катастрофы не выглядывали наружу.

Камохин подкрался к окну, похожему на щель, с полметра длиной и сантиметров двадцать пять в высоту, разделенную надвое пластиковой рамой. Левая часть, с трехслойным стеклопакетом, была цела, а из правой стекло высадили. Били изнутри – осколки валялись на земле под окном. Из дыры в окне торчала жестяная труба, из которой и шел дым. Щели, остававшиеся по краям, были заткнуты тряпками и залиты каким-то клейким составом. Камохин опустился на корточки и попытался заглянуть в окно. Но ему ничего не удалось увидеть – изнутри стекло было чем-то прикрыто.

Камохин осторожно выглянул за угол и взмахнул рукой, привлекая внимание прячущихся за машиной квестеров. Брейгель поднял руку в ответ. Камохин знаками велел ему пройти вдоль стены до двери магазина.

– Так, уважаемые, – выразительно посмотрел на ученых Брейгель. – Черт его знает, кто там внутри! Если вдруг начнется бамалама, в драку не лезьте – мы с Игорем сами разберемся. Ваша задача – прикрытие.

Понятно?

– Нет, – ответил за двоих Орсон.

– Сидите за машиной и не высовывайтесь. Начнется стрельба – стреляйте тоже. Только, ради бога, не в нас. Лучше – в воздух.

– Какой в этом смысл?

– Противник поймет, что нас много, и испугается.

– Вот это понятно. Можешь на нас положиться.

Сделаем все, как надо.

– Даже не сомневаюсь, – вполне серьезно ответил Брейгель. Хотя под маской его физиономия могла быть какой угодно. – Ну, я пошел.

Пригнувшись, он выбежал из-за машины, перепрыгнул через полосу замерзших декоративных кустов и прижался спиной к стене дома. Быстро глянув по сторонам и не заметив ничего подозрительного, он пробежал вдоль дома, перепрыгнул через парапет и оказался возле железной двери, по другую сторону от которой уже стоял спустившийся по лестнице Камохин. Знаком велел Брейгелю держать дверь под прицелом, Камохин перехватил автомат одной рукой, поднял ствол вверх и прижал приклад к плечу. Свободной рукой он осторожно взялся за дверную ручку и потянул на себя. Дверь не сдвинулась с места. Камохин попытался толкнуть дверь – с тем же результатом. Сделав жест фламандцу – будь наготове! – Камохин трижды стукнул в дверь прикладом, тут же сделал шаг назад и прижался плечом к стене. Ничего не произошло. Ничего не было слышно. Брейгель показал, что следует постучать снова. Камохин чуть подался вперед и еще несколько раз, посильнее, ударил в дверь прикладом. Гулкий грохот ударов раскатился по пустым улицам, будто гром приближающейся грозы. Среди мертвой, густой тишины эти звуки казались совершенно неуместными. Как песни на кладбище. Если, конечно, это не Новый Орлеан.

За дверью послышалась какая-то возня. Затем приглушенный удар, словно упало что-то большое, тяжелое, но мягкое. Скрежет – что-то отодвинули в сторону. И раздался голос:

– Кто там?

Бойцы переглянулись. Выражения их скрытых масками лиц были одинаковые – растерянные. Голос, ответивший им из-за двери, принадлежал женщине.

В этом не было сомнений.

– Эй! Там есть кто живой? – снова спросила женщина за дверью.

– Простите! – не сходя с места, отозвался Камохин. – Мы тут проходили мимо...

– Сейчас открою! – радостно воскликнула женщина.

Снова послышался скрежет, приглушенный хлопок, и дверь чуть приоткрылась.

– Где же вы?

Камохин осторожно заглянул в дверной проем.

Женщина, стоявшая по ту сторону двери, была с ног до головы завернута в какие-то широкие темные полотнища. Так что и лица не было видно.

– Простите?..

– Заходите скорее! – махнула рукой женщина. – А то холод напустите!

Ну что тут было делать?

Камохин жестом велел Брейгелю оставаться на месте и плечом вперед протиснулся в узкую щель. Женщина тут же захлопнула дверь, и они оказались в полной темноте. Камохин инстинктивно прижался спиной к двери, выставил перед собой автомат и включил подствольный фонарик. Одновременно с этим в лицо ему ударил свет фонаря, который прятала в складках своего нелепого одеяния женщина.

– Вы спасатель? – спросила она.

– Ну... что-то вроде того, – ответил Камохин.

– Замечательно! – Женщина повернулась к бойцу спиной и крикнула вглубь помещения. – Дети! За нами приехали!

– Дети? – растерянно переспросил Камохин.

– Двое, – ответила женщина. – Мальчик и девочка.

Пять и семь лет.

– Дети...

Камохин посветил фонариком по сторонам. Они находились в небольшом продовольственном магазине. Окна были плотно заделаны и прикрыты полосатыми матрасами. Рядом со входом тоже лежала пара матрасов и стоял стеллаж, плотно набитый тряпьем – видимо, таким образом была утеплена дверь.

– А кроме детей?

– Только я и дети. Больше никого.

Камохин посмотрел на термометр. Минус тридцать два. Теплее, чем на улице, но все равно не очень-то комфортно. Особенно для детей. Квестер отказывался верить тому, что говорила женщина. Потому что это противоречило здравому смыслу. Женщина и двое маленьких детей не могли выжить одни в замерзшем городе.

– Покажите мне их.

– Идемте.

Следом за женщиной Камохин прошел во второй торговый зал, разделенный на несколько секций. Ближайшая секция была завешена плотными портьерами, закрепленными у потолка и стелющимися по полу. Женщина чуть отвела в сторону край портьеры и жестом предложила гостю войти. Входить Камохин не стал, а стволом автомата откинул в сторону портьеру с другого края полога. В выгороженном портьерами закутке пол был застелен матрасами и набросанными поверх них одеялами и подушками. В самом углу, у стены, стояла широкая металлическая жаровня. На таких обычно жарят мясо, когда приглашают друзей на дачу. Над жаровней висел широкий раструб воздухозаборника. Тянувшаяся от него труба выходила в окно. Возле жаровни сидели двое детей, завернутые в такие же, как и женщина, нелепые, бесформенные одеяния.

– И больше никого? – снова посмотрел на женщину Камохин.

Женщина откинула в стороны складки плотной материи, закрывавшие ей лицо. На вид ей был не больше тридцати. Лицо ее выглядело настолько измученным, что Камохин не мог решить, красивая она или нет. Светлые волосы, прямой заостренный нос и очень усталые глаза – вот и все, что он видел.

– Больше никого. Когда вы нас заберете?

В этот момент Камохин был рад, да что там рад – безмерно счастлив, тому, что у него есть маска и женщина не может видеть его лицо.

– На улице еще трое человек...

– Они с вами? Так пускай заходят! Места всем хватит. И еда у нас есть. Хотите чаю?..

При каждом слове изо рта женщины вырывалось облачко пара. Снаружи шатра, образованного подвешенными к потолку портьерами, все же было очень холодно.

– Как вас зовут?

– Светлана. Светлана Родченко.

– Спрячьтесь, Светлана, – Камохин вновь отвел в сторону край полога, на этот раз рукой. – Я впущу своих товарищей, мы утеплим дверь и присоединимся к вам.

Женщина быстро улыбнулась, коротко кивнула и юркнула в шатер.

Оставшись один, Камохин наконец-то смог перевести дух. Все что угодно готов он был увидеть в этом подвале, но только не женщину с двумя детьми. Троих, чудом выживших посреди мертвого города. Камохину хотелось прижать ладонь к лицу. Но на руке у него была перчатка, а на лице – маска. Черт возьми! Он теперь и сам был не рад тому, что они нашли этот подвал. Уж лучше бы прошли мимо и провели ночь в какой-нибудь вымороженной квартире. В компании окоченевших мертвецов. Потому что живые люди, прячущиеся в магазине от убийственного холода, были обречены. Квестеры не в силах были им помочь.

Но как сказать им об этом?

Глава 6

Они сидели возле жаровни, в которой пылал огонь. Четверо мужчин, двое детей и женщина. Квестеры наконец-то смогли снять маски и расстегнуть парки. В шатре из плотных портьер, возле огня, тепло ощущалось уже явственно. Но все же не настолько, чтобы скинуть всю верхнюю одежду и забыть о том, что на улице мороз к ночи перевалил уже за стогоградусную отметку. Самодельная вытяжка работала с грехом пополам, от дыма свербело в горле и слезились глаза. Но с этим вполне можно было смириться. На какое-то время. А вот у Светланы и ее детей глаза были красные, воспаленные. Зато вкус разогретых на огне консервов был не сравним ни с какими деликатесами. А еще – чай. Крепкий, душистый чай, что заварила Светлана.

– Сколько мы здесь? – спросила женщина.

– А вы не знаете? – удивленно посмотрел на нее Осипов.

– Мы не выходили на улицу.

– Четыре дня.

– Да?.. Мне казалось, больше... Дней десять...

– Это проблема замкнутого пространства. – Орсон облизнул пластиковую ложку и кинул ее в пустую консервную банку. – То же самое бывает со спелеологами, долгое время находящимися в пещере.

– Со спелеологами все наоборот, – уточнил Осипов. – Для них сутки растягиваются и они переходят на тридцатидвухчасовой жизненный цикл.

– Все зависит от особенностей психики.

Осипов подозревал, что англичанин сказал это только для того, чтобы оставить за собой последнее слово. Но спорить не стал. Не та была обстановка.

– Как вам удалось спастись? – спросил у женщины Камохин.

Светлана опустила голову и поправила на плечах свою нелепую накидку.

– Наверное, повезло...

– Так не бывает, – качнул головой Брейгель. – Как правило, везет тому, кто очень старается.

– Я очень испугалась... В первые минуты я даже не понимала, что делала... Все было, как в тумане... Или как во сне...

У Светланы была странная манера говорить. Она делала долгие паузы между фразами. Как будто прежде, чем произнести следующую, она обдумывала ту, что уже сказала. Орсон про себя отметил, что, по всей видимости, это было следствием пережитого шока. В стрессовой ситуации одни начинают болтать без умолку, другие – тормозят.

– Перед катастрофой вы зашли в магазин что-то купить?

– Перед катастрофой?.. – немного растерянно повторила Светлана. – То, что случилось... Это была катастрофа?

– Так мы это называем.

– Но почему?

– Чаще всего появление разлома связано с катастрофическими последствиями.

– Почему это случилось здесь? С нами?

– Это могло случиться где угодно.

– Да... Но почему здесь?..

– Мы пока что не выявили никакой закономерности в появлении разломов. Есть некоторые гипотезы, но не более того...

– Док-Вик, – прервал ученого Брейгель. – Она не о том спрашивает.

– Да? – Осипов озадаченно посмотрел на Светлану. Естественно, он понимал, что ее интересует не теория возникновения разломов. Но он не знал, что ей сказать. – Простите, я не могу ответить на ваш вопрос.

– Я работала в этом магазине...

Камохин несколько удивленно посмотрел на детей, завернутых в широкие полотнища материи. Они казались похожими на большие, уродливые куколки, из которых могло появиться все, что угодно.

– А как же дети?

– Дети... – Светлана тоже посмотрела на детей. – Дети не мои... Мне кажется, они считают, что я удерживаю их здесь силой... Ну, в общем, так оно и есть...

– Так чьи же это дети?

– Они пришли в магазин с мамой... Перед самой... катастрофой... Ей нужен был садовый гном... Знаете, такие керамические фигурки. Их ставят среди цветов... Непонятно зачем... У нас тринадцать разных гномов... Их мама, – кивок в сторону детей, – никак не могла выбрать...

– Мы хотели купить гнома тете Оле в подарок, – угрюмо, ни на кого не глядя, произнесла девочка.

– И тут на улице завывала сигнализация... – продолжила Светлана. – Женщина сказала, что это ее машина. Попросила меня присмотреть за детьми, сказала, что через минуту вернется, выбежала за дверь... Не прошло и минуты, как случилась... катастрофа... Она не вернулась...

– Кроме вас и детей в магазине больше никого не было?

– Была еще Надя, продавщица из первого зала... И Юрий Анатольевич, директор магазина... Когда все начало замерзать, они выбежали на улицу... Юрий Анатольевич сказал, что нужно выяснить, что происходит, и велел нам оставаться в магазине... Надя сказала, что нужно всем отсюда уходить... А я испугалась... Да и детей не с кем было оставить...

– Вы правильно поступили, Светлана. То, что вы остались в магазине, спасло вам жизнь.

– А остальные?..

– Кроме вас, мы не встретили в городе живых, – про мародеров Камохин решил умолчать.

– Простите, Светлана, – Осипов сложил ладони вместе и чуть подался в сторону девушки. – Могу я задать вам несколько вопросов непосредственно о катастрофе? О том, как все происходило? В какой последовательности? Это очень важно для понимания природы данного явления... Впрочем, если вы не хотите об этом говорить...

– Да нет, давайте, спрашивайте... Мне кажется, так будет лучше...

Осипов подождал какое-то время, но никаких разъяснений по поводу того, что именно будет лучше, не последовало.

– Скажите, Светлана, как вы поняли, что произошла катастрофа? Были какие-то звуки? Или атмосферные явления?

– Стало очень холодно.

– Вы почувствовали, что температура начала опускаться?

– Нет. Холодно стало сразу. Очень холодно. Как будто я нырнула в ледяную воду... Нет, еще холоднее. Кожа будто стягиваться начала. И все волоски на теле поднялись.

– Светлана, а вам приходилось нырять в ледяную воду? – поинтересовался Брейгель.

– Я зимой купаюсь в проруби, – ответила девушка.

– Серьезно? – вскинул брови фламандец.

– Да. Мне это нравится.

Брейгель улыбнулся и покачал головой.

– Еще одно подтверждение тому, что все люди разные. Меня в холодную воду палкой не загонишь.

– Светлана, – подняв руку, напомнил о себе Осипов. – Вы хотите сказать, что температура не опускалась, быстро или медленно, а мгновенно стало очень холодно?

– Да. И это было самое страшное. Потому что не было времени как-то подготовиться, собраться с мыслями. Нужно было немедленно что-то делать, чтобы не замерзнуть.

Речь Светланы удивительным образом сделалась ровной. Теперь она говорила почти без запинок.

– Весьма любопытно. – Осипов с задумчивым видом потер пальцами подбородок, на котором уже начала проступать щетина. – Выходит, гипотеза о том, что центром процесса является разлом, в корне не верна. Разлом лишь инициирует возникновение аномалии. А сам процесс формирования аномальной зоны происходит практически мгновенно. Как при Большом Взрыве.

– И что это значит, Док-Вик? – поинтересовался Брейгель.

– Пока не знаю, – едва заметно качнул головой Осипов.

– Док-Вик, я слышал, что именно ты создал теорию разломов и предсказал Сезон Катастроф.

– Это не совсем так, – смущенно улыбнулся Осипов. – Я работал над новой теорией эволюции Вселенной. В соответствии с которой, помимо постепенных преобразований, являющихся отдаленными последствиями породившего и сформировавшего нашу Вселенную Большого Взрыва, возможны и внезапные, скачкообразные изменения. Следствием которых могут стать деструктивные деформации пространственно-временного континуума. Которые мы называем разломами.

– Ну, Док-Вик, ты и завернул!

– Да будет тебе. Я упростил все до уровня ликбеза для чайников. Ты хотя бы представляешь себе, что такое пространственно-временной континуум?

– Нет. Но мне достаточно и того, что ты открыл разломы. Я горд и счастлив работать в одной команде с гением.

– Я не открыл разломы. Я лишь теоретически обосновал возможность их образования.

– Для меня это одно и то же, поэтому я все равно горд и счастлив. Ты ведь не станешь отрицать, что ты гений.

– Для начала я предпочел бы определиться с понятиями. Что ты понимаешь под словом «гений»?

– Человека, который умеет что-то, что не умеет никто другой.

– Интересный взгляд. Получается, что гением может быть даже преступник?

– А почему нет? Есть же выражение «гений преступного мира».

– В любом случае, на гения я не тяну. Расчеты, которые я проделал, мог бы сделать любой другой, владеющий математическим аппаратом.

– И что говорят твои расчеты?

– Что деформации пространственно-временного континуума возможны.

– Ну теперь-то мы точно знаем, что возможны. Но как это происходит?

– Как? – Осипов озадаченно почесал ногтем кончик носа. – Тебе, конечно же, известно, что мир, в котором мы живем, имеет три пространственных измерения, – ученый, как дирижер палочкой, взмахнул указательным пальцем, обозначая три пространственных вектора. – И одно временное измерение. Однако для физико-математического описания Вселенной требуется наличие большего числа измерений. В соответствии с теорией суперструн, мир должен быть десятимерным. Бозонная теория так и вовсе требует, чтобы пространственно-временной континуум имел двадцать шесть измерений. Без наличия этих дополнительных измерений невозможно объяснить существование нашего мира с точки зрения современной космогонии.

– И где же искать эти недостающие измерения?

– Они тут же, рядом с нами. Мы не можем их экспериментально зафиксировать, потому что они находятся в свернутом состоянии и сжаты до планковских размеров. А никакие измерения с точностью, превосходящей планковскую длину, невозможны. Тем не менее, каким-

то образом дополнительные измерения проявляют себя на макроскопическом уровне. Теперь представь себе, что в какой-то момент эти свернутые пространства вдруг начинают разворачиваться. То есть размерность нашей Вселенной изменяется. Причем не сразу и не повсеместно, а местами, там, где образуется скопление развернувшихся размерностей. Таким образом, Вселенная получает сразу много размерностей. Где-то она пятимерная, где-то – семимерная, где-то – девятимерная, а где-то могут образоваться дополнительные временные измерения. Все это приводит к тому, что пространственно-временной континуум начинает корежить, как неравномерно нагреваемый тонкий пластиковый лист. Результаты этих деформаций мы называем разломами.

– То есть в аномальных зонах мы видим мир таким, каким он мог бы быть, сложились все иначе?

– Можно и так сказать.

– И чем все это закончится?

– Вот этого пока никто не знает. Есть два крайних варианта ответа на этот вопрос. Первый – оптимистичный: Вселенную немного покорежит, но в конце концов она вернется к своему исходному состоянию. В пользу этого говорит то, что отмечены случаи, когда разломы и связанные с ними аномальные зоны исчезали сами собой. Как, например, случилось с зоной номер пять под Новосибирском или с зоной номер одиннадцать в Каракасе. В соответствии с пессимистичным вариантом развития событий, процесс развертывания скрытых размерностей будет идти по нарастающей, следовательно, и катастрофические изменения пространственно-временного континуума будут усиливаться.

– И все закончится одной большой вселенской катастрофой?

– С нашей точки зрения. На самом же деле Вселенная просто станет другой. Однако следует принимать во внимание то, что между двумя крайними вариантами развития события существует множество промежуточных. Каждый из которых в той или иной степени хорош или плох для нас.

– То есть либо мы будем жить долго и скучно, либо – недолго, но весело, – подумав, сделал вывод Брейгель.

– Тебя самого какой вариант устраивает? – спросил Осипов.

Фламандец надул щеку и с задумчивым видом почесал ее.

– Скажем так, я пока что не определился.

– Когда вы нас увезете? – спросила Светлана, обращаясь в первую очередь к Камохину, в котором видела старшего.

В наступившей после этого тишине было слышно только, как потрескивают угли в жаровне. Камохин, опустив голову, делал вид, что внимательно изучает застужку на своем левом унте.

– Почему вы не отвечаете? – спросила Светлана.

Голос ее звучал все так же негромко, спокойно и ровно. Как будто она была уверена, что молчанию Камохина есть какое-то очень простое, безболезненное объяснение.

– Мы уйдем утром, – сказал, не глядя на женщину, Камохин. – Но вы с нами не пойдете. Вы останетесь здесь. Проблема в том, что у нас сломался вертолет, и нам придется пешком выбираться из зоны.

– Мы пойдем вместе с вами...

– Нет. Вы останетесь. Как только мы выберемся из зоны, мы отправим за вами спасательный отряд. Вам нужно всего лишь подождать. Совсем немного. Сутки. Максимум – двое. У вас здесь есть все необходимое – еда, вода, топливо...

– Вы не знаете, что это такое – сидеть и ждать неизвестно чего?

– Я прекрасно вас понимаю...

– Нет. Я сама себя не понимаю. Порой мне кажется, что я сошла с ума. И все, что происходит вокруг, это только мой бред... Может быть, и вас на самом деле не существует? Так чего же нам тогда ждать?

– Мы существуем. И мы непременно придем за вами спасателей. Поверьте мне, Светлана, это правильное решение.

– Мы не можем оставить их здесь! – решительно заявил Осипов. – Что, если температура упадет еще ниже?

– С чего бы ей вдруг упасть?

– Не знаю. Это аномалия. Здесь может случиться все, что угодно. То, что эти люди до сих пор живы, уже чудо. Но мы не можем постоянно полагаться на чудеса.

– Док-Вик, я принял решение. Не стоит пытаться меня переубедить.

– Мы договаривались, что будем принимать решения вместе, – напомнил Орсон.

– Не в ситуации, когда речь идет о жизни и смерти. Орсон улыбнулся с победным видом.

– Так, значит, ты признаешь, что опасность существует?

– Опасность существует всегда и везде. Ты можешь спокойно идти по улице, как вдруг тебе на голову упадет вывалившийся из самолета унитаз.

– Речь сейчас не об унитазах...

– Так, товарищи ученые, хотите поговорить – давайте выйдем.

Сказав это, Камохин первым поднялся и, отведя в сторону портьера, вышел в торговый зал.

По сравнению с отгороженным углом здесь было заметно холоднее. Зато дышалось здесь легче. Камохин включил фонарик и провел лучиком по полкам стеллажа, заполненного бытовой химией.

Следом за ним из шатра вышли Орсон и Осипов. Брейгель остался с женщиной и детьми. У фламандца, видимо, не было вопросов, ответы на которые он хотел бы получить немедленно.

– Так, говорим тихо, спокойно, без эмоций. – Камохин положил включенный фонарик на прилавок так, чтобы он освещал всех присутствующих, но при этом не слепил глаза. – Не нужно понапрасну беспокоить хозяев. Им и без того несладко пришлось.

– Вот именно, – кивнул многозначительно Орсон. – Посмотри сам, Игорь, женщина на пределе. А дети вообще сидят в углу, завернувшись в свои покрывала, и даже не разговаривают.

– Светлана сказала, что ей кажется, будто они сидят здесь уже десять дней, в то время как прошло всего четыре, – продолжил Осипов. – Для нее каждый день, прожитый в этом магазине, в темноте и холоде, длиннее предыдущего. Сколько она еще сможет ждать?

– Все? – немного выждав, спросил Камохин.

– Нужны еще аргументы, чтобы заставить тебя проявить сострадание?

– Там, в этом шатре, омерзительно. Там... Там воняет!

– Я все понял. Теперь послушайте меня. Мы – не спасательный отряд. Наша первоочередная задача – самим выбраться из зоны живыми. И, если нам это удастся, будет очень здорово. Сейчас наши шансы остаться живыми весьма велики. Я бы оценил их, как девяносто из ста. Десять процентов списываем на непредвиденные факторы. Такие, например, как встреча с мародерами. Или, как сказал Док-Вик, внезапное резкое падение температуры. Если мы возьмем с собой женщину и детей, наши шансы уцелеть начнут стремительно уменьшаться. У них нет ни одежды, ни обуви, ни снаряжения, без которых выжить на морозе невозможно. В своих самодельных балахонах они замерзнут прежде, чем мы выйдем за пределы зоны. А прежде чем замерзнуть, они здорово замедлят наше движение. Я отвечаю за группу. И я принял решение. Мы оставим их здесь. А когда вернемся в ЦИК, сообщим о них в службу спасения.

– Ты уверен, что спасатели полезут в замерзший город, чтобы вытащить оттуда женщину с двумя детьми? – спросил Орсон.

– Нет, не уверен, – честно признался Камохин. – Служба спасения разваливается, как все государственные структуры. Работы у них выше крыши, а финансирование никакое. Я даже сомневаюсь в том, что у них есть такая же, как у нас, спецодежда для работы на сильном морозе и техника, способная доставить их сюда.

– А команда из ЦИКа, которая будет отправлена за нашим оборудованием? Разве они не смогут забрать трех человек?

– Это уже не я буду решать, – покачал головой Камохин.

– Политика ЦИКа не включает проведение спасательных операций в аномальных зонах, – напомнил Орсон. – Ты сам говорил это возле вертолета.

– Верно, – коротко кивнул стрелок.

– Значит, женщине и детям не на что рассчитывать?

На это Камохин ничего не ответил.

– Выходит, мы просто бросим их здесь умирать?

Камохин снова промолчал.

– Так нельзя, – покачал головой Осипов. – Должен быть какой-то выход.

– Я его не вижу.

– Мы можем найти и принести им хорошую, теплую одежду.

– Такой одежды, как у нас, мы не найдем, даже если перероем весь город.

Осипов почувствовал, что его начинает пробирать озноб, и плотнее запахнул парку. Холод и темнота – что могло быть страшнее и безнадежнее? Как долго это можно выносить?

– Я останусь здесь, – сказал Осипов. – Тогда ЦИКу придется прислать за нами спасателей.

– Не говори ерунду, Док-Вик, – недовольно скривился Камохин. – Не такая уж ты важная шишка. Если бы ты позарез был нужен в Центре, тебя не пустили бы в квест.

– Я сам об этом попросил. Мне нужно было увидеть разлом собственными глазами.

– И что? Теперь ты знаешь, как спасти Землю?

И тут Осипова осенило.

– У меня будет пакаль! За пакалем-то Кирсанов непременно кого-нибудь пришлет!

– У тебя не будет пакаля, Док-Вик, – грустно посмотрел на ученого стрелок. – Не будет, потому что я тебе его не дам. И тебя самого здесь не оставлю. Мы вернемся в ЦИК все вместе. С пакалем. И это не обсуждается.

– Я был о тебе лучшего мнения, – прищурился, глядя на Камохина, Осипов.

– Ты не поверишь, Док-Вик, но я тоже был о себе лучшего мнения. До тех пор, пока не понял, какая я на самом деле скотина. А знаешь, почему я такой? Потому что иначе нам не выжить. Если бы решение принимал ты, – Камохин ткнул Осипова пальцем в грудь, – добрый, сердечный и справедливый, мы бы не выбрались из зоны живыми. Понятно?

Осипов ничего не ответил. Он понимал, что Камохин прав. Но не мог смириться с такой правотой. Это было неправильно. Не по-людски. Спасти собственные жизни, оставив других умирать, или же всем вместе погибнуть – чудовищный выбор. И самое ужасное – он уже был сделан.

– А почему Брейгель остался в шатре? – спросил Орсон.

– Потому что он знает все, что я вам сказал. И он со мной согласен.

– Когда это вы успели все обсудить?

Камохин с досадой цокнул языком и покачал головой. Эти ученые, они, может быть, и гении. Каждый в своей области. Но за ее пределами ничего в жизни не смыслят.

– Мы ничего не обсуждали с Брейгелем. Но он, как профессионал, верно оценивает ситуацию.

– Оценивать и принимать решения – не одно и то же, – заметил Орсон.

– Это демагогия, Док. И ты лучше меня это понимаешь. – Камохин зябко потер ладони. – Идемте в шатер, а то становится холодно.

– Должен быть какой-то выход, – глядя на светящийся фонарик, процедил сквозь зубы Осипов.

– Какой? – безнадежно развел руками Камохин. – Можешь думать обо мне все, что угодно, Док-Вик, но я не законченный негодяй. Если бы была хоть какая-то возможность вытащить женщину и детей из этого подвала, думаешь, я бы этого не сделал?.. Нет, честно, Док-Вик, ты так думаешь?

Глава 7

Осипов шел по лесу. Странный был лес – не то тайга, не то джунгли. Высоченные деревья с шершавыми, будто морщинистыми стволами и широкими, развесистыми кронами стояли так плотно друг к другу, что неба не было видно. Стволы были переплетены лианами, которые медленно извивались, будто живые. Под ногами шуршали опавшая листва и иголки, похрустывали, попав под каблук, шишки. И повсюду цвели цветы. Большие и маленькие. Самых разных форм и расцветок. Но, не смотря на это упоительное буйство природной красоты, Осипову было не по себе. Он не знал, где находится. И понятия не имел, как он тут очутился. Он точно знал лишь одно – он заблудился. И нужно срочно выбираться из этого странного леса. Иначе... Осипов не знал, что может произойти, но чувствовал приближение чего-то недоброго. Предчувствие беды, казалось, было разлито в воздухе. Он вдыхал ее, как отраву. Которая разъедала организм изнутри. Осипов шел, не останавливаясь. Он не знал, в верном ли направлении движется, но ему казалось, что идти все же лучше, чем стоять на месте. Как-то в одной книге он прочитал, что если ты потерялся и понятия не имеешь, куда идти, то лучше всего стоять на месте и ждать, когда тебя найдут. Потому что при постоянном перемещении шансов встретиться с тем, кто тебя ищет, становится меньше. Однако он не знал, ищет ли его кто-нибудь. Может быть, все давно уже про него забыли? Махнули на него рукой?.. – Док-Вик, – позвал кто-то негромко.

Едва слышно.

Он попытался ответить. Но рот был словно ватой забит.

– Док-Вик...

Он оглянулся, посмотрел по сторонам. И никого не увидел.

– Да проснись же...

Верно!

Осипов с трудом поднял тяжелые, будто свинцом налитые, веки. И тут же болезненно скривился. Воспаленные глаза слезились от едкого дыма. Осипов прищурился и повел плечами. Вытянул ноги и распрямил спину. Он спал сидя, привалившись спиной к стене.

Из-за неудобного положения все тело ныло.

– Ну?... Проснулся?

В тусклых отсветах горящих в жаровне углей Осипов увидел Брейгеля, сидевшего рядом с ним на корточках. Руки фламандца упирались в колени, а локти были широко разведены в стороны. Осипов подумал, что стрелок похож на большую хищную птицу, присевшую рядом с добычей, чтобы никого к ней не подпустить.

– Утро? – хрипло прошептал он.

– Скоро уже, – ответил Брейгель. – Слушай, Док-Вик, мы тут с Игорьком помозговали малость. Получается, что вроде бы есть одна возможность всем нам вместе выбраться отсюда живыми.

Осипов потряс тяжелой, не столько спросонья, сколько от недостатка кислорода, головой.

– Какая?

– Мародеры.

– Мародеры?... При чем тут они?

Осипов глянул в сторону. Неподалеку от них сидел Камохин. Скрестив ноги и низко опустив голову, он, похоже, прислушивался к разговору. Все остальные спали. Ну, или, по крайней мере, выглядели спящими.

– У мародеров есть транспорт.

Теперь Осипов понял, что задумали стрелки. Захватив транспорт, они смогут все вместе выбраться из замерзшего города.

– Чем я могу помочь?

– Проблема в том, как отыскать мародеров. Радиус действия наших датчиков движения невелик, около ста метров. Искать наудачу – пустая затея. У нас нет на это времени. Так что нужна хорошая идея.

Осипов посмотрел на часы. Было без трех минут шесть. Если бы они находились не в аномальной зоне, то рассвет наступил бы ровно в семь часов двадцать одну минуту. Здесь же можно было ожидать всего что угодно. Утро могло вообще не наступить, а солнце – не взойти. Однако вчера никаких временных аномалий не наблюдалось. Следовательно, можно было предположить, что рассвет наступит тогда, когда ему и было положено. Собственно, решение задачки, что переложил ему Брейгель, было для Осипова очевидно.

Нужно было только продумать детали.

– По всей видимости, мы имеем дело с хорошо организованной, вооруженной, имеющей специальный транспорт командой. Мелкая шпана рыскает по окраинам города. Забегает, хватается то, что плохо лежит, и тут же дает деру. Эти же забрались в зону с вполне определенной целью – как следует пожить. Следовательно, у них есть определенный план. Они, не колеблясь, застрелили пилота, значит, ничего не боятся. Следование заранее намеченному плану и уверенность в себе – вот что поможет нам их отыскать.

Брейгель озадаченно сдвинул брови. Он пока не понимал, куда клонит ученый. В его представлении все должно было выглядеть как раз наоборот – чем хуже организован противник, тем проще с ним справиться.

Осипов улыбнулся.

– Что в первую очередь делает большой, сильный, уверенный в себе хищник, оказавшись на новой для него территории?

– Отправляется на охоту?

– Разбуди Криса – он тебе расскажет.

Брейгель решил было, что Осипов шутит. Но тот стоял на своем.

– Разбуди. Он все равно должен узнать, что мы тут задумали.

Брейгель кинул взгляд на Камохина. Тот коротко кивнул. Фламандец переместился чуть в сторону и осторожно, стараясь не напугать, потряс Орсона за плечо.

– А?.. – тут же вскинул голову тот.

– Док, у нас тут серьезный вопрос.

– Уже утро?..

– Нет еще.

– Что тогда?..

– Что делает крупный хищник, оказавшись в новом месте?

– Какой еще хищник?

– Ну, просто абстрактный зверь... Может быть, тигр...

– Вам чего, делать нечего?

– Док, это серьезный вопрос.

– Ага... Curse...

– Крис, это действительно важно, – тихо подал голос Осипов.

Орсон посмотрел его сторону. Взгляд не до конца еще проснувшегося биолога был очень неодобрительный. Осипов решил остановиться на такой формулировке, хотя можно было назвать его и злым.

– Ты тоже с ним заодно?

– Можно и так сказать.

– Вас что, бессонница замучила?

– Док, нам на самом деле требуется твоя помощь. – Это был уже Камохин.

Орсон сел, потер двумя пальцами слезящиеся глаза и, прикусив губу, посмотрел на стрелка. Тот даже не улыбнулся.

– Это не шутка?

Камохин отрицательно качнул головой.

– Вы хотите знать, что делает хищник, оказавшийся на новой территории?

– Большой и сильный, уверенный в себе хищник, – уточнил Брейгель.

– Он метит эту самую территорию! Вот что он там делает!

– Тихо, Док, – приложил палец к губам Камохин. – Детей разбудишь.

– Вы меня уже разбудили, – недовольно буркнул в ответ Орсон. – И чего ради?..

– Мародеры не будут стараться вести себя тихо и незаметно, – сказал Осипов. – Они не станут прятаться. Они будут гадить повсюду, где побывают. По этим следам мы их и отыщем.

– Но нужно сначала выйти на след.

– А вот в этом нам должна помочь система, которой, как мы предполагаем, следуют мародеры. Их ресурсы не безграничны. Наверняка прежде, чем отправиться в город, они наметили места, которые нужно посетить, и выбрали кратчайший маршрут между ними.

Осипов достал из рюкзака планшет.

Орсон стянул с головы плотную вязаную шапку и пригладил ладонями растрепанные волосы. Он начал понимать, о чем идет речь.

– Наиболее распространены два типа маршрута, по которому хищник обходит территорию. Либо по спирали, – ученый пальцем нарисовал в воздухе несколько сужающихся кругов. – Либо челноком, – тем же пальцем он изобразил частокол.

– Что их может интересовать в первую очередь? Банковские хранилища, крупные ювелирные магазины... – Осипов открыл интерактивную карту города и начал вводить перечисляемые данные. – Что еще?

– Больницы и аптечные склады, – сказал Камохин. – Лекарства и наркотики сегодня лучшая валюта.

– Верно, – Осипов быстро ввел новые данные. – Дальше.

– Музеи! – щелкнул пальцами Орсон.

– Это провинциальный город. Вряд ли в местных музеях есть что-то по-настоящему ценное.

– Ну хорошо, исходя из того, что есть, получается вот такая картинка, – Осипов показал остальным карту, на которой красными точками были отмечены места, предположительно представляющие интерес для мародеров. Между ними была прорисована не очень ровная спираль и несколько более аккуратный частокол, отображающий ход «челноком». – Как мы видим, имеется несколько точек пересечения между спиралью и челноком. Их и следует проверить в первую очередь. Две из них – аптека и ювелирный магазин – находятся в непосредственной близости от нас. – Осипов пальцем отметил места, о которых шла речь. – Проверив их, мы поймем, какой тип движения выбрали мародеры, и сможем быстро выйти на их след.

– Здорово, Док-Вик, – одобрительно кивнул Камохин.

– Это я называю торжеством научной мысли! – гордо возвестил Орсон.

– А что если мародеры перемещаются по городу как попало, без определенного маршрута? – спросил Брейгель. – Я не подвергаю сомнениям достижения современной науки, но все же?

– Нет, нет и еще раз нет! – решительно заявил Орсон. – Никаких «все же»! Дело в том, что, даже если эти негодяи будут уверены, что у них нет никакого плана, их перемещение по городу все равно будет подчиняться определенной закономерности. Законы природы, дорогой мой Ян, обмануть невозможно. Потому что мы только думаем, что принимаем какие-то решения, на самом же деле нами движут инстинкты. В цивилизованных условиях мы вынуждены их подавлять. Но здесь, среди холода и смерти, в этом нет необходимости. Наоборот, здесь именно инстинкты помогают выжить.

– Ну если так, тогда пора браться за дело, – Брейгель глянул на часы. – Рассвет недалече.

Осипов посмотрел на фламандца, прищурившись. Не то глаза ему ел дым, не то терзали какие-то смутные сомнения.

– Где ты так хорошо выучил русский язык?

– В ЦИКе все разговаривают по-русски, – вопрос ученого ничуть не смутил фламандца. – Все иностранцы проходят ускоренный курс разговорного русского.

– Да. Но ты очень хорошо говоришь по-русски.

– А я разве плохо говорю? – Орсон сделал вид, что обиделся.

– Ты прекрасно говоришь по-русски, Крис. Но Ян разговаривает так, будто это его родной язык.

– В чем проблема, Док-Вик? – усмехнулся Брейгель. – Должно быть, у меня был хороший педагог. Но, если хочешь, я буду стараться говорить коряво.

Орсон закатил глаза и подвигал губами, как будто пробуя что-то на вкус.

– Я бы сказал: «постараюсь говорить неправильно». – Вот именно! – указал на него пальцем Осипов.

– Это потому, что Док англичанин, – снова не растерялся Брейгель. – Да и вообще, к чему этот допрос, Док-Вик?

– Не бери в голову, Ян, – примирительно улыбнулся Осипов. – Это я так, с усталости и недосыпа.

– Бывает, – согласился Брейгель.

Глава 8

Сказать, что рассвет был серый, – все равно, что ничего не сказать. Серым казалось все вокруг из-за того, что в воздухе витала какая-то дымка, вызывающая желание протереть очки. Солнца, как и вчера, видно не было. Небо также было затянуто плотной серой пеленой. Только сегодня она казалась неровной и рыхлой, похожей на плесневую пленку. И временами по ней пробегали тусклые всполохи – не то отблески молний, не то приглушенные огни северного сияния.

– Что это, Док-Вик? – спросил Камохин.

Осипов провел ладонью перед собой. Как будто хотел поймать край призрачной дымки, сжать в кулак и сдернуть, как покрывало. Рука свободно проходила сквозь дымку, не вызывая даже легкого ее колебания, как если бы то был, скажем, туман.

– Не знаю, – честно признался ученый. – По всей видимости, это какое-то оптическое явление, связанное с тем, что творится на небе.

– Ладно, в любом случае, этот туман нам на руку. Все, братцы, расходимся и встречаемся через час в точке «три».

Коротко взмахнув рукой, Камохин изобразил что-то вроде армейского салюта и быстро зашагал в направлении главной улицы. Той, что называлась Московским шоссе. Следом за ним – Осипов. Брейгель с Орсоном направились через двор в противоположную сторону.

То, что в аномальной зоне не работала связь, сильно затрудняло любую операцию. Поддерживать сообщение с помощью сигнальных ракет было небезопасно, поскольку это могло привлечь внимание мародеров. Поэтому было решено разделить на две группы, проверить две ближайшие точки, которые предположительно могли вызвать интерес мародеров, и встретиться возле третьей. Брейгель с Орсоном отправились к аптечному складу, расположенному в Богородском переулке. Камохин с Осиповым – к ювелирному магазину «Пять Золотых», что на улице Пушкина. Точкой сбора была выбрана городская больница на Второй Лесной улице.

Город производил все то же жуткое впечатление. Замерзший, мертвый и безмолвный. Ветер поднимал в воздух листы газет, пакеты из-под чипсов, обрывки плакатов. И все это моталось из стороны в сторону, будто мусор в полосе прибоя. Над разбитыми, сгоревшими машинами. Над мертвыми, скрючившимися в предсмертной агонии телами.

– Ты думаешь, у нас действительно есть шанс найти мародеров? – спросил Осипов.

– А ты полагаешь, я просто решил прогуляться?

Они перешли на другую сторону улицы и, чтобы срезать угол, свернули во двор. В маленьком садике, в центре которого находилась обложенная кирпичами клумба, на скамейках сидели замерзшие люди. Как в музее восковых фигур. Только на лицах у всех были ужас и страдание.

– Я подумал, может быть, ты решил таким образом загладить свою вину?

– Вину? Я не чувствую себя виноватым.

– Ну, в смысле, показать, что ты не тупой и бесчувственный солдафон.

– Док-Вик, несмотря ни на что, в том числе и на то, что ты обо мне думаешь, я все же надеюсь, что мы выберемся из этой зоны. Живые и невредимые. И несмотря на некоторые трения, я все же считаю, что у нас подобралась хорошая команда. Нам еще нужно малость попривыкнуть друг к другу, попротереться, как новым шестеренкам. Но уже сейчас я могу сказать, что готов отправиться с этой командой в новый квест. Надеюсь, ты со мной согласен. Так вот, Док-Вик, дабы в дальнейшем между нами не было непонимания, скажу сразу, что я ничего не делаю только ради показухи. Если бы я полагал, что шансы отыскать мародеров призрачно малы, мы бы все вчетвером, без женщины с детьми, топали прочь из этого проклятого города. – Камохин перепрыгнул через труп, растянувшийся поперек дорожки, по которой они

шли. – Даже представить страшно, что тут будет твориться, если вдруг зона исчезнет. Город, заваленный трупами, посреди летней жары.

Осипов лишь поморщился в ответ. Ему было сложно представить, что сейчас где-то тепло и светит солнце. Да и какой в этом смысл? Сколько ни говори «халва», сладко во рту от этого не станет.

Они вышли на улицу Кошелева, пересекающуюся с Московским шоссе под прямым углом. Кто такой этот Кошелев, никто из двоих представления не имел.

Да, в общем, и не стремился узнать.

– Ну, вот они, – усмехнулся под маской Камохин. – Уже наследили.

Улица Кошелева была уже Московского шоссе. И движение на ней было не таким интенсивным. И все же в момент катастрофы здесь тоже случился автомобильный Армагеддон. С многочисленными столкновениями, взрывами и мгновенно возникающими пожарами. Однако чуть позже в воцарившийся на улице хаос кто-то вмешался. Крайняя левая полоса была освоена для проезда. Находившиеся на ней машины, как целые, так и остовы сгоревших, будто могучей рукой были сдвинуты на тротуар.

Перепрыгнув через обгоревший корпус приземистой «Тойоты», Камохин шагнул на свободную полосу.

– Если у мародеров есть транспорт, значит, они должны расчищать себе дорогу. И держаться в стороне от крупных автомагистралей, где машин слишком много.

– У них что же, бульдозер? – спросил удивленно Осипов.

Честно признаться, ему как-то не приходил в голову вопрос, каким образом мародеры перемещаются по улицам, запруженным разбитым автотранспортом. Он воспринимал это, как само собой разумеющееся – если у них есть средство передвижения, значит, как-то они на нем ездят.

– Что-то вроде того. – Камохин присел на корточки и провел кончиками пальцев в перчатке по дорожному покрытию. – Какой-то гусеничный транспорт. Но они здесь побывали вчера – следы уже занесло ледяной крошкой.

– Так что будем делать?

– Что и собирались. Проверим ювелирный магазин. Мы вышли на след, теперь нужно выяснить, верно ли мы высчитали траекторию движения этих подонков. – Камохин сдернул с плеча автомат. – На всякий случай держи оружие наготове, Док-Вик. И прислушивайся внимательно. В такой тишине мы издалека услышим их бульдозер. Если он на ходу.

Осипов прислушался. Да, теперь он знал, что такое мертвая тишина. В такой тишине звук мотора гусеничного транспорта должен быть слышен за много километров.

Должно быть, из-за повисшей в воздухе серой пелены общая атмосфера замерзшего города казалась еще более мрачной и гнетущей, чем вчера. И почему-то появилось странное ощущение, будто за тобой постоянно кто-то наблюдает. Из пустых подворотен, из распахнутых настежь окон, из-за разбитых машинных кузовов. И Осипов, и Камохин все время непроизвольно ускоряли шаг. Хотелось как можно скорее добраться до цели и наконец-то со всем этим покончить.

Они все время шли по следу мародеров. И, когда наконец добрались до магазина «Пять Золотых», тут уж никаких сомнений не осталось – мародеры направлялись четко к намеченной цели. И похозяйничали вволю.

Квестеры не стали заходить в магазин. Какой в этом смысл? Что они могли там увидеть? То же, что и везде. Скованное смертельным холодом пространство и тела замерзших людей. Плюс учиненный мародерами разгром. Они даже ничего не сказали друг другу, а сразу направились к месту встречи.

Какое-то время они все еще шли по следу мародеров. Но в конце улицы Пушкина, где им нужно было сворачивать направо, на Брестскую, мародеры повернули в противоположную сторону и по Знаменской направились в сторону центра. Камохин остановился на развилке.

– Куда пойдем? – спросил Осипов.

– К месту встречи, конечно. – Камохин расстегнул молнию на широком боковом кармане и достал планшет. – Похоже, вы с Доком были правы. Эти отморозки движутся по предсказанному вами маршруту.

– Челноком? – Осипов тоже посмотрел на карту города.

– Нет, по спирали. – Камохин пальцем отметил маршрут движения мародеров. – Вчера они побывали сначала возле «Пяти Золотых». Затем направились, по всей видимости, к Вокзальному проезду. Там находится главный офис Динсталь-банка, который, скорее всего, их и заинтересовал. Во второй половине дня они оказались возле центрального городского стадиона. Все четко по плану. Значит, мы можем вычислить их нынешнее местонахождение.

– Очень приблизительно, – уточнил Осипов.

– А нам и не нужно точно. – Камохин пальцем коснулся края капюшона. – Мы их услышим, Док-Вик.

На то, чтобы добраться до места встречи, у них ушло около получаса. Они старались идти дворами и небольшими улочками. Центральные улицы местами становились совершенно непроходимыми из-за загромождавшего их транспорта.

– Не верится, что в городе не осталось живых, кроме Светланы и двоих детей, – как бы размышляя вслух, произнес Осипов, когда они шли через заледеневший сквер, вдоль дорожек которого тут и там лежали мертвые в легкой летней одежде. – Кто-то ведь тоже, как и она, находился в закрытом помещении. И мог найти способ обогреться. Ведь прошло всего пять дней с момента катастрофы!

– Заблуждаешься, Док-Вик. Светлане просто чертовски повезло. У нее под рукой оказалась жаровня и топливо, чтобы развести открытый огонь. И самое главное – она догадалась это сделать. Большинство же включили обогреватели или газ. И, скорее всего, были уверены, что скоро выключат центральное отопление. Электричество начало вырубаться через двадцать минут после катастрофического падения температуры. Через сорок минут весь город был обесточен. Горячая вода перестала подаваться в дома через час-другой. Примерно в то же время отключилась и подача газа. Все. В этот момент умерли те, кто еще оставались живы.

Брейгель и Орсон уже ожидали их возле центральных ворот больницы.

– На аптечном складе мародеров не было, – сообщил Брейгель. – В больницу они тоже не заглядывали.

– Выходит, наши отморозки специализируются по ювелирным изделиям, – сделал вывод Камохин. – Отлично, это сужает круг поисков.

– По дороге сюда мы встретили вчерашний след гусеничного транспорта, расчистившего себе дорогу среди брошенных машин.

– Где? – Камохин достал планшет.

– Они двигались вверх по улице Гашека.

– Неподалеку, на Капотной, находится большой торговый центр, в котором, естественно, имеется и ювелирный отдел. Отморозки, – Камохин окончательно решил именно так именовать мародеров. Название, надо сказать, более чем подходящее, – движутся по спирали в сторону центра. Если мы пойдем напрямую, скажем, по Сокольному бульвару, то пересечемся с ними где-то в районе Трехтрубной.

– И что тогда? – спросил Орсон.

– Тогда мы отобьем транспорт, заберем Светлану с детьми и уберемся, на фиг, из этого холодильника, – сказав это, Камохин, должно быть, улыбнулся под маской, после чего добавил:

– Если, конечно, ни у кого нет других предложений.

– А что с людьми?

– С какими людьми?

– С мародерами.

– По обстоятельствам, – Камохин захлопнул планшет и сунул его в карман. – Вперед. А то до вечера не управимся.

Теперь они двигались в том же строю, что и накануне. Камохин – впереди, Брейгель – замыкающий. Ученые – между ними.

– По дороге мы заглянули в одну квартиру, – негромко принялся рассказывать своему спутнику Орсон. – В жилом доме, на третьем этаже, к оконному стеклу изнутри была прикреплена бумага с надписью «Помогите!». Мы решили, что нашли еще кого-то выживших. Дверь в квартиру пришлось ломать. Они зачем-то заперли ее на замок. Или, может быть, забыли отпереть. В квартире – трое человек... Три трупа. Мужчина и две женщины – молодая и старая. Они пытались согреться. Заперлись в ванной и жгли там мебель. По всей видимости, они не замерзли, а угорели... Жуткое дело, – Орсон на ходу оглянулся. – Я становлюсь параноиком.

– Кажется, что за тобой кто-то подсматривает, – догадался Осипов. – Тебе тоже?

– Ага.

– С ума сойти! Как будто город населен призраками!

– Ты веришь в призраков?

– Нет, конечно!.. Но это ведь аномальная зона.

– И что с того?

– Ты сам не так давно говорил, что, в соответствии с твоей теорией, в аномальных зонах может происходить все, что угодно.

Осипов понял, что угодил в собственную логическую ловушку. Говоря «все, что угодно», он имел в виду «все, что я могу себе вообразить». Или даже – «все, что допускает мой здравый смысл». Однако он упустил из вида, что воображение у всех работает по-разному. А что касается здравого смысла – этот вопрос лучше и вовсе не обсуждать. Тут сколько людей, столько и мнений. Многие пытались найти некую универсальную среднюю составляющую, но безуспешно. Как свидетельствует вся мировая история, гораздо эффективнее способ отсеечения лишнего с целью утверждения единого стандарта. Способ не новый, придуманный еще в добиблейские времена неким Прокрустом.

Глава 9

Идти стало легче, когда они выбрались на бульвар. Вдоль мощеной дорожки с обеих сторон тянулись невысокие, аккуратно подстриженные деревья и кусты, за которыми поблескивали полосы трамвайных рельсов. Здесь почти не было битых машин. Только замерзшие трупы. Но к трупам все уже привыкли. И перешагивали через них, будто это были не людские тела, а упавшие деревья. Если все время думать, что вокруг сотни и тысячи мертвецов, то и в самом деле можно с ума сойти. На бульваре было много открытых летних кафе. За прячущимися под широкими зонтиками столиками, как манекены, сидели отдыхающие в яркой летней одежде.

– Почему они не падают со стульев? – шепотом спросил Орсон, когда они проходили мимо одного из таких заведений для мертвецов.

– Примерзли, – коротко ответил Осипов.

– Паноптикум какой-то...

Странное, пугающее зрелище представлял собой завалившийся на бок трамвай, из окон которого высовывались, где по плечи, а где и по пояс, тела пытавшихся вылезти из него людей. Не менее странно, но уже причудливо смотрелся пруд с вмерзшими в лед лебедями.

– Что-то мне все это напоминает, – то и дело глядя по сторонам, бормотал Орсон. – Вот только никак не пойму, что?

И при этом посматривал на Осипова.

Осипов и сам то и дело ловил себя на мысли, что замерзший мир, в котором они четверо были кем-то вроде пришельцев, кажется ему до боли знакомым. Как будто он уже где-то его видел. Или читал о нем. Вот только, в отличие от Орсона, Осипову совершенно не хотелось это вспоминать. Ему даже думать об этом не хотелось. И уж тем более, говорить. Поэтому он был только рад, что видит не вопрошающий взгляд и напряжено поджатые губы Орсона, а лишь дурацкую улыбку, нарисованную на его маске.

Камохин, молча шагавший все это время впереди, неожиданно остановился. Судя по тому, что ствол автомата в его руках оставался опущенным, пока им ничто не угрожало. Однако что-то все же привлекло его внимание. Слева от дорожки стояла стилизованная под позапрошлый век афишная тумба, обклеенная стандартным летним набором афишек с именами мало кому известных эстрадных «звезд», исправно отрабатывающих традиционный чес по провинциальным городам и весям. Камохин сделал шаг к афишной тумбе и ткнул пальцем в маленький прямоугольный листок, скромно пристроившийся среди ненатурально скалящихся «звезд».

Музей исторического зодчества.

Выставка ювелирных изделий из коллекции ХТС – Миммер. Богатейшее собрание уникальных изделий из золота, платины и драгоценных камней.

Конюшенный переулок, дом 7.

Открыто ежедневно с 9-00 до 20-30

– Кто такой этот Икс-Ти-Си-Маммер? – спросил Орсон.

– Без понятия, – качнул головой Камохин. – Но Конюшенный переулок – это в двух шагах от пересечения Капотной улицы с Сокольным бульваром.

– Полагаешь, отморозки заглянут на выставку?

– Если еще там не побывали. Музей на пути их следования. И, я бы сказал, красиво вписывается в общую схему.

– Они могут и не знать о выставке, – заметил Осипов.

– Ну да. А еще они могли забраться в зону только для того, чтобы обкатать свой снегоход. Ты только представь себе, Док-Вик, насколько проблематично достать мощный снегоход в средней полосе России в середине лета.

Осипов плохо разбирался в подобных делах, но все же добросовестно попытался себе это представить. И у него это даже почти получилось. Но закрепить успех ему помешал отдаленный рокот работающего двигателя. Звук был настолько тихий, расплывающийся и смазанный, что, казалось, доносился одновременно со всех сторон. Даже с неба и из-под скованной ледяной коркой земли.

Брейгель проверил дескан.

– Ничего.

– Слишком далеко. – Камохин кинул автомат на плечо. Коротко скомандовал: За мной, – и побежал вверх по бульвару.

Осипов чувствовал странное возбуждение. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Он ясно отдавал себе отчет в том, что ждет его впереди. Не пройдет и получаса, как ему придется стрелять в других людей. Быть может, он даже кого-то убьет. Для Камохина или Брейгеля это был, если и не сущий пустяк, то уж точно некая издержка профессии, без которой ну никак не обойтись. Дантисту, наверное, тоже не доставляет особого удовольствия ковыряться в гнилых зубах. Однако без этого его профессия попросту невозможна. К тому же он, скорее всего, испытывает при этом некий профессиональный интерес и стремление как можно лучше выполнить свою работу, дабы облегчить страдания больного. Который, скорее всего, сам же и в ответе за то, что случилось. Быть может, Камохин и Брейгель, как и дантист, считали, что, причинив страдание в одном месте, они принесут облегчение в целом. Все верно, и Осипов это прекрасно понимал, он должен сделать это для того, чтобы спасти женщину с детьми. Но ему не давал покоя вопрос, почему все должно произойти именно так, а не иначе? Кто наделил его правом решать, кому жить, а кому умирать? Наверное, это и есть классическая интеллигентская рефлексия: с одной стороны, ты понимаешь, что все делаешь правильно, с другой – терзаешься сомнениями о том, почему нельзя иначе?

– Брейгель! – на бегу окликнул Камохин.

– Я! – тут же отозвался фламандец.

– Торговый центр или музей?

– Музей, – не задумываясь, ответил Брейгель.

– Почему?

– Не знаю.

«Вот так, – отметил про себя Осипов. – Вот так принимает решение истинный профессионал – не задумываясь. Полагаясь не на разум, а на интуицию».

Шум мотора не становился громче, но делался как будто яснее и отчетливее. К тому же, к нему стали примешиваться другие звуки, похожие на лязг и скрежет. Сначала Осипов представил себе некоего уродливого гиганта, срывающего с крыш домов жестяные листы и раздирающего их, словно картонки. И лишь спустя какое-то время он сообразил, что это транспорт мародеров сдвигает со своего пути покоренные корпуса машин.

Следуя за Камохиным, квестеры свернули направо, перепрыгнули через скованную льдом декоративную изгородь, некогда называвшуюся живой, пересекли узкую полосу смерзшегося газона, перебежали через трамвайные пути и обогнули стоявшую поперек дороги синюю «Вольво», лобовое стекло которой покрывала густая паутина трещин, похожая на морозный узор. Узкая боковая улочка, на которую они вышли, была похожа на расселину, прорубленную меж двумя уродливыми домами со стенами, выкрашенными в грязножелтый цвет. Балконы нависали над головой, подобно готовым осыпаться уступам. Пустые распахнутые окна походили на входы в пещеры, ведущие незнамо куда. Быть может, в немыслимые глубины земли, а может, и вовсе туда, куда лучше даже и не заглядывать.

Камохин остановился, прижавшись спиной к стене здания. Точно под балконом, который лишь каким-то чудом цеплялся за стену. Осипову казалось, что под маской он слышит только шум собственного учащенного дыхания. Но прислушавшись как следует, он вновь услышал звуки работающего мотора, отчетливо доносившиеся с той стороны, куда уводила улочка, носившая, как утверждала вывеска, имя Северянина.

– Мы угадали, – Камохин сверился с показаниями дескана. – Точно, они направляются к музею.

Осипов посмотрел на дисплей своего дескана. Датчик движения пока еще ничего не регистрировал – мешали стены домов. Зато инфракрасный сканер показывал отчетливое тепловое пятно, движущееся по Конюшенному переулку, образуя острый угол с улицей Северянина.

– Что будем делать? – спросил Орсон.

Голос у биолога был напряженный и немного сдавленный, как будто кто-то держал его за горло. Не очень сильно, но, все одно, неприятно.

– Мы не знаем, сколько их. Поэтому самым правильным будет дождаться, когда они войдут в музей. Если удастся тихо забрать машину и уехать – отлично, мы так и сделаем. Если нет – перестреляем их на выходе. Брейгель?

– Отличный план.

– А может быть... – задумчиво начал было Орсон.

– К стене! – скомандовал Камохин.

Все прижались спинами к стене дома. Лишь только Орсон замешкался, но оказавшийся рядом Брейгель толкнул его ладонью в грудь.

Через перекресток, до которого оставалось около пятидесяти метров, с ревом и грохотом проследовала громоздкая гусеничная машина с большой, полностью застекленной водительской кабиной и похожей на закрытый транспортный контейнер автономной пассажирской кабиной с откатывающейся в сторону дверью. На переднем бампере машины был укреплен тяжелый совок, которым она с легкостью сдвинула в сторону сразу три столкнувшиеся машины.

– Ратрак «Хаски», – сказал Брейгель. – Недешевая штука.

– Для местных условий как раз то, что нужно, – кивнул Камохин.

Ратрак миновал перекресток и скрылся из вида.

– Я хотел сказать... – снова начал Орсон.

Англичанин, так же, как и Осипов, ощущал внутренний дискомфорт от того, что он, человек с ученой степенью, не сказать, что известный во всем мире, но, тем не менее, пользующийся уважением знающих его коллег, вот так спокойно принимает участие, пускай и пассивное, в планировании готовящегося убийства. Да, он в курсе, что люди, которых им предстоит убить, плохие, и, освободив от них мир, он, быть может, сделает доброе дело. Но, тем не менее, это – люди. А он – вовсе не хладнокровный убийца. Ведь даже если не убивать мародеров, а только забрать у них транспорт, для тех, кто останется в зоне без средства передвижения, это будет означать смертный приговор. Крис Орсон всегда считал и, несмотря на то, что творилось с миром, продолжал считать себя цивилизованным человеком. А цивилизованные люди не должны убивать других людей. Это неправильно. В этом Орсон был уверен. Он был нерелигиозным человеком, но вера в право всякого человека на достойную жизнь была для него чем-то вроде религии. В данной ситуации он не мог четко и ясно определиться со своим отношением к происходящему, но, тем не менее, считал необходимым высказать свое независимое мнение.

– После, Док, – прервал его Камохин. – Скажешь все после того, как мы закончим.

Секунду подумав, Орсон решил, что такой вариант его вполне устраивает.

– Хорошо, – сказал он.

– Оружие к бою, – скомандовал Камохин.

Сказано это было исключительно для ученых. Брейгель давно уже снял автомат с предохранителя и держал стволом вверх, прижав приклад к плечу.

– Вперед, – прозвучала новая команда.

Нырнув в темную подворотню, они снова стали пробираться дворами. Заранее изучив карту, Камохин быстро и уверенно вел группу к намеченной точке. И вскоре они уже были на месте – возле арки проходного двора, выходящего на Конюшенный переулок. До Музея исторического зодчества, расположенного на другой стороне улицы в старинном трехэтажном особняке с широким крыльцом, оставалось около сорока метров. Судя по показаниям инфрасканеров, пару минут назад в музей вошли четверо или пятеро человек. Сколько мародеров осталось в ратраке, точно определить было невозможно. Пройдя вдоль стены арки и осторожно выглянув в переулок, Брейгель смог рассмотреть по крайней мере одного в водительской кабине. Обернувшись, он знаком обозначил ситуацию.

– Так, товарищи ученые, – обратился Камохин к научным работникам. – Вы остаетесь в арке и обеспечиваете нам прикрытие. Без особой необходимости не стрелять. И самое главное – не попадите в корпус ратрака. Если будет повреждена система обогрева, вся наша затея окажется бессмысленной, – на этот раз он даже не спросил, все ли им ясно. Только сказал:

Все. Начали.

И – началось.

Орсон и Осипов прильнули к стенам по краям от выхода из арки. Оба – с автоматами, прижатыми к груди. Почему-то обоим именно такое положение казалось наиболее правильным.

Брейгель еще раз заглянул в водительскую кабину ратрака через бинокль.

– Э, да у этого отморозка наушники в ушах, – усмехнулся он. – Музыку слушает.

– Сделаешь его? – спросил Камохин.

– Без проблем.

– Тогда я – в пассажирскую кабину.

– Договорились.

Брейгель поставил автомат на предохранитель и закинул его за спину. Взял в руку девятимиллиметровый «спрингфилд», перевернул планку предохранителя и сунул его в боковой карман парки. После этого в руке у него оказался широкий нож, ножны от которого он сунул за голенище унта.

– Я готов, – Брейгель крутанул нож в руке. – Черт, перчатка плотная.

– Пошли, – кивнул Камохин.

Пригнувшись, они одновременно выбежали из арки.

Подбежав к кабине водителя, Брейгель дернул дверцу за ручку. К его удивлению, она легко открылась. Фламандец запрыгнул на подножку и прежде, чем водитель-меломан успел посмотреть в его сторону, коротко, без замаха, всадил ему нож в горло. Даже не снятая с предохранителя автоматическая винтовка водителя осталась стоять прислоненной к спинке соседнего сиденья. При всей своей отличной оснащенности мародеры все же были дилетантами. Подавшись чуть в сторону, Брейгель плавно потянул тело за плечо, и оно вывалился из кабины, даже не запачкав сиденье кровью. Отметив взглядом, что ключ зажигания на месте, Брейгель скинул автомат с плеча, отклонился назад и посмотрел в сторону пассажирской кабины. Камохин выглянул в приоткрытую дверь и знаком дал понять, что все в порядке – в пассажирской кабине никого не было. Спрыгнув на мостовую, он махнул рукой ученым, указал на дверь пассажирской кабины, а сам направился к Брейгелю.

– Кто поведет? – спросил фламандец.

– Давай ты.

Брейгель сделал шаг в сторону, пропуская Камохина вперед. Тот забрался в кабину и сел на соседнее с водительским сиденье.

Усевшись на место водителя, Брейгель кивком указал на дверь музея.

– Остальных ждать будем?

– А ты как?

– Честно говоря, я бы их перестрелял. Чисто из соображения гуманности.

– Ученые занервничают, – усмехнулся Камохин. – Как они там?

Брейгель глянул в боковое окно. Ученые уже бежали к ратраку.

– Надо сказать, они оба держались молодцом.

– Это точно, – кивнул Камохин. – В прошлом моем квесте у меня в группе был ботаник...

– Все они «ботаники».

– Нет, этот – настоящий ботаник. Специальность у него такая.

– Да? Ну и что?

– Так вот, он...

Глава 10

Автомат лежал у Камохина на коленях. Через прозрачную дверцу стрелок наблюдал за дверями музея. Брейгель в зеркальце заднего вида смотрел на бегущих к ратраку ученых. Орсон вырвался вперед и уже протягивал руку к двери пассажирской кабины. А вот Осипов замешкался на старте. Да к тому же еще поскользнулся и, нелепо вскинув вверх сразу обе ноги, грохнулся точно на копчик. Хорошо еще, плотная парка и надетые под нее два свитера смягчили удар. И все равно в первый момент у Осипова от боли в глазах потемнело. Чуть придя в себя, он махнул рукой оглянувшемуся на него Орсону – мол, все в порядке, – и, чтобы подняться на ноги, для начала встал на четвереньки. И в этот момент взгляд его упал в ту сторону, куда никто более не смотрел. Примерно в тридцати метрах от припаркованного возле музейного крыльца ратрака из узкого проулка между домами выглянул человек в светло-голубой парке с накиннутым на голову отороченным серым мехом капюшоном. Лицо его было плотно замотано чем-то красным – то ли шерстяным платком, то ли шарфом, – а поверх этой импровизированной маски были надеты большие, как у лыжников, очки. Стоя на четвереньках, Осипов растерянно посмотрел на замершего возле двери пассажирской кабины Орсона. Он пытался сообразить, как следует поступить в такой ситуации? Закричать, чтобы предупредить товарищей? Или же продолжать делать вид, что ничего не происходит? Чтобы притаившийся в проулке мародер продолжал пребывать в неведении о том, что его заметили?.. И пока он думал, мародер сделал шаг вперед, вскинул автомат и выстрелил из подствольного гранатомета.

Определенно, мародеры не были профессионалами. Иначе бы стрелок в голубой куртке, прежде чем нажать на спусковой крючок, подумал бы о том, что им самим не на чем будет выбираться из замерзшего города.

Выпущенный из подствольника заряд пробил лобовое стекло ратрака и взорвался, удравшись о стенку, разделявшую водительскую и пассажирскую кабины. От взрыва сдетонировали сложенные в пассажирской кабине боеприпасы и канистры с топливом. Ратрак как будто подбросило в воздух, а затем снова с силой швырнуло на землю. Из лопнувшей, словно арбуз, пассажирской кабины во все стороны рванули языки пламени.

Осипов упал на грудь, выставил перед собой ствол автомата и, надавив на спусковой крючок, длинной очередью срезал взорвавшегося ратрак мародера.

Сделав это, он бросил автомат и встал на колени.

Все.

Это был конец.

Конец всему и вся.

Нечто библейское.

Через несколько секунд на крыльце музея исторического зодчества появятся взбешенные таким неудачным для них поворотом событий мародеры. И хорошо, если они просто пристрелят его. На месте.

Да, и не в них было дело.

Он остался один. Один в городе мертвых. И у него нет ни малейшего шанса выбраться отсюда живым. Все, что ему остается – это стать таким же мертвым, как и все. Все остальные. Все вокруг.

Он запрокинул голову и устремил взор в серое, мертвое небо. Пусть будет так. Так даже лучше. Умереть, глядя в небо. Он будет смотреть на него до конца. До самого последнего мига. И тогда он, быть может, поймет, есть ли в этой жизни хоть какой-то смысл.

Все же он не удержался и повернул голову, когда ему показалось, что слева от него мелькнула чья-то тень. И оно того стоило. В двух шагах от него стоял «серый». Силуэт его тела, затянутого в весьма необычный синтетический материал, отдаленно напоминающий латекс,

четко выделялся на фоне горящего ратрака. «Серый» стоял, широко расставив ноги и чуть разведя руки в стороны. Как шериф из вестерна, которому предстояло на главной улице города пристрелить десяток-другой негодяев, обижающих женщин, отнимающих у детей конфетки и не уступающих дорогу старушкам. Лица у «серого» действительно не было. Но только потому, что его голова полностью была затянута тем же материалом, что и тело. По всей видимости, это было нечто вроде скафандра, защищающего чужака от холода. А может, и еще от чего-то, что могло представлять для него угрозу.

«Вот только «серого» тут и не доставало», – это было первым, о чем подумал Осипов, когда до него, наконец, дошло, что это не бред и не сон. Больше ни о чем он подумать не успел. Потому что в этот миг разлетелись с треском двери музея, и на верхней ступени крыльца показались четверо мародеров. Все они были в разноцветных парках – синяя, зеленая, красная, желтая – с замотанными лицами и большими лыжными очками. И все, разумеется, при оружии. Они увидели все сразу – горящий ратрак, своих мертвых приятелей, стоявшего на коленях Осипова, странного чужака в сером, – и трудно сказать, что произвело на них большее впечатление. Но сделать они ничего не успели. «Серый», даже не повернув в их сторону голову, вскинул руку с предметом, похожим не то на большую круглую детскую погремушку, не то на допотопный эстрадный микрофон. Осипов отчетливо увидел, как начал колебаться воздух возле круглого навершия предмета, что держал в руке «серый». А затем что-то почти невидимое сорвалось с него, стремительно скользнуло по воздуху в направлении мародеров, и те оказались отброшены назад, будто взрывной волной чудовищной силы. Проломив спинами двери, они исчезли внутри здания. И больше оттуда не показывались.

«Серый» опустил руку, в которой держал свое разрушительное оружие, и убрал ее за спину. Та часть его головы, на которой сквозь синтетическое покрытие проступали черты лица, по-прежнему была обращена к Осипову. Он будто смотрел на человека. Будто чего-то ждал от него.

– Что тебе нужно? – почти неслышно прошептал Осипов.

Он не поднимался с коленей, потому что не видел в этом смысла. Зачем? Лучше умереть стоя, чем жить на коленях? Умереть можно и так. Без разницы. Хосе Марти ошибался. Теперь он знал это точно.

«Серый» протянул руку в сторону человека. Осипов невольно зажмурился. Он был готов умереть, но он не хотел видеть, как сработает страшное оружие чужака. Было в этом что-то противоестественное. Все равно, что видеть пулю, летящую тебе в лоб. И не зря ведь, наверное, приговоренным к смерти завязывают глаза.

Прошла минута, и Осипов снова открыл глаза. «Серый» стоял все в той же позе – широко расставив ноги и вытянув руку вперед. Но в руке у него была вовсе не смертоносная погремушка, а что-то другое. Квадратное и плоское. Осипов даже не попытался рассмотреть, что это было. Ему казалось, ничто уже не имеет смысла. Да и был ли изначально хоть какой-то смысл в том, что они делали? В том, что делал он сам?

Еще до Сезона Катастроф?

«Серый» недовольно дернул рукой. Он будто что-то требовал от человека.

– Чего ты хочешь? – спросил Осипов.

Не потому, что ему было это интересно. И вовсе не потому, что надеялся услышать ответ. Просто ему казалось невообразимо глупо вот так смотреть друг на друга и молчать. А еще он вдруг понял, что «серый» не собирается убивать его. Во всяком случае, не прямо сейчас. Зачем-то он был ему нужен. Поэтому после паузы он добавил:

– Меня зовут Виктор Осипов. А тебя?

Let it bi... Fucking shit.

В ответ «серый» снова дернул рукой.

Осипов опустился на четвереньки и немного прополз вперед. Так, теперь он видел, что в руке у «серого» находился пакаль. Точно такой же, как и тот, что кинул ему под ноги другой «серый», выглянувший из бездонной дыры разлома. Или это был один и тот же «серый»? А почему бы и нет? Очень даже может быть.

Так чего он хотел? Получить свой пакаль назад?

– Тебе это нужно? – Осипов ткнул пальцем в пакаль, что держал в руке «серый».

Чужак утвердительно наклонил голову.

Ага, выходит, он понимает, что ему говорят. Так чего же сам молчит? Не может говорить? Или шлем мешает?

Пальцем другой руки «серый» коснулся пакаля. После чего поднял руку и показал человеку рогатку из двух пальцев, указательного и среднего. Ну, прямо как Черчилль. Вот только намекал он на нечто совсем иное, нежели старина Уинстон.

– Тебе нужны два пакаля, – догадался Осипов.

«Серый» вновь утвердительно наклонил голову.

Ну что ж, Осипову было не жалко. Ему вообще уже нечего было жалеть. Чужак хочет пакаль – что ж, он его получит. Как говорила Витькина бабушка, чего добру-то пропадать?

Медленно, каждую секунду ожидая, что «серый» остановит его самым неприятным образом, Осипов поднялся на ноги. Чужак сделал шаг в сторону, но в целом оставался спокоен. Вроде бы. Трудно судит о состоянии духа человека, ну, пусть не человека, а некоего разумного существа, очень на него похожего, если оно не говорит ни слова и прячет лицо под маской.

– Мне нужно туда. – Осипов указал рукой на догорающий ратрак. – Пакаль у Камохина... – Он был уверен, что Камохин взял пакаль с собой, а не оставил в магазине вместе с остальной поклажей. Слишком высоко он ценил эту штуковину. – Понимаешь?

«Серый» коротко кивнул. И вновь проделал тот же трюк, что и незадолго до этого – на секунду спрятал руку за спину, а когда вновь показал ее, в ней был уже не пакаль, а оружие с круглым наконечником, которым он поразил мародеров. «Серый» направил оружие на горящий ратрак. Как и в прошлый раз, Осипов успел заметить что-то похожее на колебание воздуха. Но удара на этот раз не последовало. А вот пламя, выбивавшееся из пассажирской кабины ратрака, не погасло даже, а в один миг исчезло. Как будто машину накрыл невидимый колпак, из-под которого был выкачан воздух.

«Серый» спрятал оружие и свободной рукой сделал приглашающий жест в сторону машины. Осипов не стал заставлять себя упрашивать. Он подошел к ратраку, осторожно перешагнул через тело Брейгеля, взрывом выброшенное из машины, встал на подножку и заглянул в водительскую кабину. Камохин сидел, уткнувшись лбом в приборную панель. Парка на спине у него прогорела и все еще немного дымилась. Осипов порадовался, что, благодаря фильтрам в маске, не чувствует запахов. В кабине сейчас, должно быть, отвратно смердело горелой плотью. Осипов положил руку Камохину на плечо и потянул на себя. Тело подалось на удивление легко и начало заваливаться на бок. Осипов чуть придержал его, чтобы оно легло на сиденье спиной. Из-под края капюшона на него смотрела безжизненная белая маска с выпуклыми линзами вместо глаз. Ну просто замечательно – легко можно было представить, что это не мертвое человеческое тело, а, скажем, манекен. Да, пусть так и будет – манекен. Осипов протянул руку и расстегнул молнию кармана, в котором Камохин держал планшет. Вытащив планшет, Осипов снова запустил руку в карман мертвеца и, пошарив, нашел еще один внутренний кармашек, застегивающийся на «липучку». Там-то и лежал пакаль. Достав металлическую пластинку, Осипов осмотрел ее с одной стороны – две прямые линии, скрестившиеся в углу, – перевернул на другую – странный тип в птичьих перьях, отплясывающий гопака. Ну, и что все это значит? Может быть, пакаль – это всего лишь экзотический сувенир? А едва ли не боготворимый всеми основатель и бессменный руководитель Центра Изучения Катастроф господин Кирсанов – страстный коллекционер этих странных артефактов? Идея, конечно, абсо-

лютно безумная. Но разве не безумен весь наш мир? И если у человека есть несколько лишних миллионов, почему бы ему не потратить их на эдакие милые глупости? Тогда получается, что «серые» – это представители конкурента господина Кирсанова из параллельного мира. Или, может быть, они работают на Кирсанова-Два из параллельного мира.

Все логично. Глупо, но логично.

Усмехнувшись под маской, Осипов выбрался из машины.

Ну, и где тут наш конкурент? Вот он, стоит на месте и терпеливо ждет, когда ему подадут пакаль!

Осипов подошел к «серому» и протянул пакаль.

– Держи.

«Серый» взял пакаль левой рукой и положил на ладонь, плоской стороной с перекрещивающимися прямыми вверх. Как будто хотел, чтобы Осипов как следует запомнил чертеж. Затем он протянул вперед правую руку. На ладони лежал его собственный пакаль. Рисунки на обеих пластинках были идентичными. Как будто оттиснуты с одной матрицы. «Серый» подождал несколько секунд. Словно хотел удостовериться в том, что Осипов осознает смысл происходящего. Но если так, то он ошибался. И вдруг – быстро сложил ладони вместе, прижав один пакаль к другому.

Мир будто перевернулся.

А может быть, это небеса обрушились на землю.

Глава 11

Осипов поскользнулся на бегу и, нелепо вскинув обе ноги, упал точно на копчик. Удар страшной болью отозвался в нижней части туловища. Хорошо еще, что плотная парка и два свитера несколько смягчили силу удара. И все равно в первый миг Осипову показалось, что мир перевернулся. А может, небо рухнуло на него. Приподнявшись, он махнул рукой уже добежавшему до ратрака Орсону – мол, все в порядке, – и, чтобы подняться, встал на четвереньки. И замер, скованный странным ощущением того, что все это с ним уже однажды происходило. Он знал, точно знал, что должно было случиться в следующую минуту. Взгляд его безошибочно нашел узкий, со стороны почти незаметный проход, из которого выглядывал мародер в светло-голубой парке. Сейчас он сделает шаг вперед, вскинет автомат и выстрелит из подствольника. Граната пробьет лобовое стекло ратрака и взорвется внутри.

Осипов дернул с плеча автомат, упал на грудь, выставил ствол перед собой и длинной очередью срезал мародера, уже поднявшего оружие. Тот все же успел дернуть спусковой крючок подствольника, но граната по крутой дуге ушла высоко вверх и разорвалась на уровне третьего этажа. Осколки застучали по крыше ратрака и обледеневшей мостовой, но не задели никого живого. А вот пара стекол в здании музея разлетелись вдребезги.

– Черт возьми, Док-Вик! – не то удивленно, не то восхищенно воскликнул, выглянув из кабины, Брейгель. – Ты цел?

– Я в порядке! – Осипов поднялся на ноги и, чуть прихрамывая из-за боли в низу спины, побежал к ратраку. – Следите за крыльцом! В музее еще четверо!

– В пассажирскую кабину! – скомандовал Брейгель и захлопнул дверцу.

Осипов добежал до ратрака, ухватился за протянутую ему Орсоном руку и запрыгнул в пассажирскую кабину.

– Ловко ты его! – Орсон показал большой палец.

– А, – махнул рукой Осипов.

Он все еще не мог прийти в себя после произошедшего. Он, человек сугубо гражданской и исключительно мирной профессии, минуту назад застрелил другого человека. И пусть это был нехороший человек, суть дела от этого не менялась. Хладнокровно? А черт его знает! Если бы он мог понять, что это означает? Но, как ни странно, он почти не думал об этом. Ему не давало покоя странное и в какой-то степени пугающее чувство дежа вю. Он заранее знал обо всем, что должно было произойти! До того момента, как сам нажал на спусковой крючок. Ратрак должен был взорваться, но машина осталась цела. Выходит, он изменил ход событий. Нарушил причинно-следственную связь. Именно так. В том варианте развития событий, свидетелем которого он уже был, все они должны были умереть. Однако они все еще живы. Как такое могло случиться? От мыслей об этом на самом деле становилось не по себе. Либо он сошел с ума, либо... Либо все это произошло на самом деле.

– Ну, что я тебе говорил про наших ученых? – Брейгель передернул затвор автомата. – Док-Вик всем нам жизни спас.

– Даже не знаю, что и сказать... Вот они!

Мародеры, все четверо, разом выбежали на крыльцо.

– Дилетанты, – усмехнулся Брейгель.

– И не говори.

Камохин ногой широко распахнул дверцу водительской кабины и аккуратно, как мишени в тире, уложил выстроившихся на ступеньках мародеров.

Орсон, наблюдавший за происходящим через узкое окошко пассажирской кабины, перевел взор на Осипова. – Откуда ты знал, что их будет четверо?

– Не знаю, – дернул плечом Осипов. – Так брякнул... От фонаря.

- От фонаря? – непонимающе переспросил Орсон.
- Русская идиома, – объяснил Осипов. – Значит «не задумываясь».
- От фонаря... – задумчиво повторил Орсон. – Причем тут фонарь?
- Не знаю.

Осипов посмотрел на термометр, показывающий температуру внутри кабины. Обогреватель работал исправно, и температура поднялась уже до минус двадцати двух. Можно было снять маски. Осипов так и сделал – стянул маску и включил переговорное устройство с кабиной водителя.

- На связи! – тут же ответил Брейгель.
- Где Игорь?
- Он вышел ненадолго.
- Куда?
- Раздеть отморозков.
- Точно, – глянув в окошко, подтвердил Орсон. – Камохин раздевает мародеров.
- Зачем?
- Светлане с детьми нужна хорошая одежда, – ответил Брейгель. – Лучше этой мы не найдем. Да и зачем искать, ежели вот она, под рукой.
- Ян, ты знаешь, что такое «от фонаря»? – спросил неожиданно Орсон.
- Ну, что-то вроде «не задумываясь», «как попало», – ответил Брейгель. – А что?
- Я не знал. – Орсон снял маску, выгнул губы и удрученно развел руками. – Наверное, у меня был плохой преподаватель.
- Кстати, мои поздравления, Док-Вик! Инструктор по стрельбе может тобой гордиться!
- Конечно, – с показным недовольством буркнул Орсон. – Ему на занятия по русскому языку ходить не нужно было. Вот он и проводил все время в тире.
- Не переживай, Док! – это был уже Камохин, вернувшийся в машину. – У тебя тоже будет возможность отличиться!.. Трогай, – велел он Брейгелю. – Только совок опусти. Чтобы гусеницы об отморозка не запачкать.

Ратрак дернулся, качнулся и покатил вперед. Не очень быстро, но вполне уверенно.

– В каком смысле, будет возможность? – насторожился Орсон, которому вовсе не улыбалась перспектива поучаствовать в перестрелке. С куда большей охотой он готов был согласиться с тем, что снова заплутал в русских идиомах.

– Смею надеяться, это не последний наш квест. Мы нашли пакаль, а руководство ЦИКа это весьма ценит.

- Черт возьми, Док-Вик! – воскликнул Брейгель. – Пакаль ведь тоже ты нашел! Да ты у нас просто герой квеста!
- Игорь, пакаль у тебя с собой?
- Конечно.
- Проверь.
- Зачем? Я знаю, что он у меня в кармане.
- Проверь, пожалуйста.
- Ну, хорошо, – ответил после короткой паузы Камохин. – Вот он. Ян, видишь пакаль?
- Да, точно, пакаль, – подтвердил Брейгель. – А в чем дело, Док-Вик?
- Да так, ни в чем...

Осипов опустил голову и прикусил губу. Он и сам не мог понять, что же произошло?

Глава 12

Определенно, жизнь хороша настолько, насколько мы сами хотим сделать ее хорошей. К такому выводу пришел Крис Орсон, глядя на то, как в теплой пассажирской кабине ратрака постепенно приходили в себя, будто оттаивали, дети. По мере того, как в кабине становилось теплее, они снимали с себя одежду. Словно шелуха с луковиц облетала. Сначала – не в меру большие, но зато теплые парки мародеров. Следов крови на них не было, но пулевые отверстия остались. Затем – войлочные балахоны, что сшила для них Светлана. И, наконец, сняв теплые кофты и свитеры из магазина, дети стали похожи на детей. Усталых, испуганных, с чумазыми лицами, но уже и с надеждой на новую жизнь. Они недоверчиво косились на спасших их мужчин, все еще казавшихся им чужими. Но, перешептываясь между собой, порой уже чему-то робко улыбались. От предложенных им шоколадных батончиков из запасов мародеров дети категорически отказались.

– Они этого шоколада в магазине объелись, – с улыбкой объяснила Светлана. Поле чего поинтересовалась: – Куда мы едем?

Она тоже сняла почти всю теплую одежду. Но держала ее на коленях. Как будто боялась, что еще может понадобится.

– Туда, где тепло и светит солнце, – постарался пошутить Орсон.

– Это здорово, – даже не улыбнулась Светлана. – Но что нам делать, когда мы выберемся из города? Я осталась совсем одна. Мне не к кому поехать, не у кого просить помощи... Да и дети...

– Ну, возможно, кому-то из ваших родственников и друзей удалось покинуть город после катастрофы... – начал было Осипов.

Хотя и сам понимал, насколько нереально подобное предположение.

– Нет, – ответила Светлана.

Столь определенно, что Осипов даже спрашивать не стал, почему она так в этом уверена.

– Есть специальные лагеря для приема беженцев из аномальных зон.

Орсон протянул детям открытую пачку чипсов. Но они и от этого угощения отказались. Биолог непонимающе пожал плечами и сам захрустел чипсами.

– Ты сам-то видел эти лагеря? – Осипов протянул руку и вытащил из пакета Орсона пригоршню чипсов.

– Э! Кончай таскать! – возмущенно воскликнул тот. – Открой себе пачку!

– Я пачку не хочу – только пару штук.

– Это тоже русская идиома?

– Что именно?

– «Пара штук».

– Почему?

– Потому что, когда говорят «пара сапог», то имеют в виду два сапога. Но «пара брюк» – это только одни брюки. А ты говоришь, что хочешь «пару штук», и при этом выгребашь у меня из пакета не меньше десятка!

– Тебе что, жалко?

– Нет. Я просто хочу понять, в чем тут подвох? Чтобы случайно не попасть впросак.

– Брейгель наверняка сразу понял бы, о чем идет речь, – усмехнулся Осипов. – У него был хороший учитель.

– Сейчас проверим, – Орсон включил связь с кабиной водителя. – Внимание! Крис Орсон вызывает Яна Брейгеля! Прием!

– В чем дело, Док?

– Есть вопрос.

- Ну?
- Как по-твоему, если Вик говорит, что хочет взять из моего пакета чипсов «пару штук», сколько он возьмет на самом деле?
- Столько, сколько захочет. Но не более того, что сам считает приличным.
- Как это понимать? – озадаченно нахмурился Орсон.
- А никак, Док, – в динамике было слышно, как хохотнул Камохин. – Для того, чтобы это понять, нужно родиться русским.
- А как же Ян?
- У меня был хороший учитель, – напомнил Брейгель.
- Ах, ну да! Конечно! Спасибо за урок русского языка!.. Как, впереди еще не видно зелени?
- Видно. Но дорога забита машинами. Видимо, беженцы, так и не успевшие выбраться из города. Пробиваемся с трудом.
- Серьезно? А мы тут ничего не чувствуем.
- Хороший ратрак... А вот отморозки, видимо, въезжали в город по другой трассе. Вы там не посмотрели, что они успели награть?
- Орсон взглядом переадресовал вопрос Осипову.
- Тот молча пожал плечами.
- Нет. А зачем?
- Ну так, ради любопытства. Может быть, даме какая безделушка приглянется. Как говорила моя бабушка, чего добру-то пропадать?
- Моя бабушка тоже так говорила, – сказал Осипов.
- Все бабушки одинаковы, – хмыкнул Брейгель.
- Ладно, сейчас глянем.
- Орсон выключил переговорное устройство.
- Так ты видел лагеря беженцев? – вернулся к прежней теме Осипов.
- Нет, – Орсон прошел в конец кабины и начал разбираться со сваленными там пластиковыми ящиками и кейсами. – А что?
- Да, одно только название, что лагерь. На самом деле просто сгоняют людей на огороженную территорию, чтобы не разбредались кто куда. Иногда кормят. Все устроено из рук вон плохо. Не хватает самого необходимого: медикаментов, одежды, средств гигиены... И никому до этого нет дела. Потому что нет финансирования. А значит, нечего украсть. Вот если бы была государственная программа по обустройству лагерей беженцев, тогда хотя бы процентов тридцать выделенных средств использовались бы по назначению.
- Ты это серьезно? – недоверчиво покосился на Осипова Орсон.
- Еще как, – невесело усмехнулся тот.
- Как же вы тогда живете?
- Не знаю. Наверное, привыкли.
- Хочешь сказать, в Центре то же самое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.